

НАДЕЖДА и НИКОЛАЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ ЦЕНТРПОЛИГРАФ
ЗОРИНЫ

ИНТЕРВЬЮ
СО СМЕРТЬЮ

Николай Зорин
Интервью со смертью

«Центрполиграф»

2009

Зорин Н.

Интервью со смертью / Н. Зорин — «Центрполиграф», 2009

Кира Самохина, ведущий репортер криминального отдела газеты «Происшествие», понимала, что прошлое рано или поздно нанесет визит в ее насыщенную событиями жизнь. Что-то подсказывало ей: бывший жених Алексей, пропавший пять лет назад, совсем рядом. Об этом говорила и серия жестоких убийств, явно связанных с ним. Своими подозрениями она не делилась ни с кем, даже с близким человеком – другом детства Русланом. Ей предстояло сразиться с тенью вчерашнего дня один на один...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Надежда Зорина, Николай Зорин

Интервью со смертью

Роман

Пролог

В конце концов я перестала отвечать на их вопросы – и свидание разрешили. Фридрих Миллер позвонил в гостиницу и радостно, будто все самое худшее осталось позади, объявил: «Свидание разрешили! Вы счастливы?» Я ничего ему не ответила, молча повесила трубку. Тогда он перезвонил снова, он никак не мог взять в толк, почему я не радуюсь, ведь этого свидания мы добивались вместе. А когда я опять ничего не ответила, ужасно обиделся. Обиделся, но все-таки заехал за мной в гостиницу и опекал и заботился всю дорогу, отечески ласково трепал по щеке, мол, все образуется, главного-то мы добились, ввел под руку в это страшное здание и, бережно поддерживая, усадил на стул. Тут я окончательно поняла, что не хочу никакого свидания.

Не хочу! Не могу! Не выдержу! Мне не нужно это свидание, мне нужно бежать отсюда без оглядки. Пока не поздно.

Поздно. Бежать уже поздно. Не удастся сбежать. Фридрих крепко держит меня за руку и улыбается, улыбается и снова треплет мою щеку. Поздно бежать.

Мои духи меня сводят с ума. Одеколон Фридриха меня сводит с ума. Этот тюремно-канцелярский запах сводит меня с ума. Зачем я так упорно добивалась свидания? Что я скажу Алеше? Что я ему верю – и это самое главное? Что понимаю: весь этот ужас – просто ошибка, которая скоро будет исправлена? Что я люблю его, очень люблю? Когда я его увижу, закованного в наручники, небритого, в порванной рубашке, я не смогу ничего сказать. Не смогу сказать и, возможно, любить перестану. Да и какой смысл говорить? Они-то ему не верят. Они и мне не поверили, я так и не смогла их убедить в том, что Алексей совсем не тот человек, за которого его принимают. Они не верят, и, значит, ошибка не будет исправлена.

Так зачем же я здесь сижу? Мне надо бежать, бежать... Поздно. Они уже вывели его из камеры, поставили лицом к стене, обыскали и повлекли по коридору. Длинный, длинный коридор. Человек, за которого его принимают, – опасный преступник: киллер, убивший двадцать семь человек, гражданин Германии Артур Кельвейн, долго и безуспешно разыскиваемый Интерполом.

Его арестовали в магазине мужской одежды, где мы покупали ему сандалии. Его арестовали, а я так и не смогла ничего доказать, хоть и очень старалась. Это я потом замолчала, а сначала все говорила и говорила, и остановить меня было невозможно. Мой рассказ – такой правдивый, такой искренний – должен был убедить в том, что Алексей невиновен. Я очень хотела его спасти. Но они не поверили, не поверили, что Алексей не Кельвейн, не киллер. И тогда я замолчала, не только рассказывать перестала – отказалась отвечать на их вопросы. А они вдруг дали свидание. Наверное, чтобы меня подкупить.

Что же так долго его не приводят? Длинные, длинные коридоры...

Мы познакомились месяц назад. Это было в тот день, когда я сдала последний экзамен. Оставалась еще защита диплома. Я так и не узнала, что Алексей делал у нас в университете, но могу поклясться: пришел он туда не затем, чтобы кого-то убить.

Он пришел, чтобы мы стали самыми счастливыми людьми на свете.

Так и вышло, так и оказалось. Наше счастье было абсолютно, безгранично, наше счастье было материально и могло бы передаваться по наследству, как некая вдруг приобретенная,

но укоренившаяся в организме болезнь. Оно, наше неистовое счастье, даже боль причиняло, сладкую, но с трудом переносимую. А потом мы прилетели в Одессу.

Что мы знали об Одессе? Ничего, ровным счетом ничего, но представляли, что наше неистовое, безграничное счастье станет в этом волшебном городе еще неистовее и безграничнее. Мы думали: выйдем из самолета, и нас тут же окутает дивное благоухание юга, моря и каких-то экзотических цветов.

Одесса пахла разогретым железом, машинным маслом и застаревшей пылью – никакого дивного благоухания. Но наше счастье не насторожилось.

Солнце жгло нестерпимо, море не выглядывало из-за поворотов этих грязных, неухоженных улиц. Но мы не восприняли это как предзнаменование – вопреки всему, искусственно, доводили свое счастье до экстаза. А до моря было еще так далеко...

На море мы так и не попали.

Мы вошли в магазин. Присмотрели Алеше гавайку и шорты. Пока Алексей расплачивался, я отошла в отдел обуви, долго, придирчиво выбирала ему сандалии, упиваясь ролью жены, взрослой хозяйственной женщины – наивная маленькая дурочка! Пожалела, что нет с собой шила – мама всегда брала с собой шило, когда покупала обувь папе, ковыряла подошву, проверяя на крепость. И тут вдруг что-то произошло. Шум? Порыв ветра? Нет, сейчас не восстановить. Когда я им рассказывала так много, так подробно, так долго нашу историю – не могла объяснить, что именно случилось. Я почувствовала только, что это конец – конец счастьем и, может быть, жизни. Стояла с сандалией в руке, замороженная ужасом – голова вполоборота, – и смотрела, как опрокидывают на пол послушно-безвольное тело моего любимого. Они были не в форме, почему-то не в форме. На секунду мелькнула надежда, что это просто бандиты, грабители и, значит, можно спастись. Спасти и спастись. И я опять пожалела, что нет у меня с собой шила. И бросилась к ним. Что-то я кричала, кричала. Меня оттолкнули, меня оттащили. Женщина – продавщица? хозяйка магазина? переодетый полицейский? – крепкохватила за руку, повлекла в какую-то подсобку. Я услышала звук сирены...

Я не видела, как увозили Алешу. А потом мне рассказали, что Алексей Тучков – вовсе не Алексей Тучков, а гражданин Германии Артур Кельвейн, известный киллер, разыскиваемый Интерполом и заочно приговоренный к высшей мере. Это был такой бред, что сначала я даже обрадовалась: все разъяснится, не может не разъясниться. И принялась рассказывать...

Я все рассказывала, рассказывала, а они мне не верили. Я требовала свидания, я требовала адвоката, я требовала нашего, русского консула.

Консул приехал ко мне в гостиницу. Однажды утром. Консул Германии. Фридрих Миллер. Я и ему тут же принялась рассказывать. Но он ничего утешительного сообщить не мог, хоть и очень пытался утешить. Вместе со мной он стал добиваться свидания, сосредоточил все свои усилия на этом, будто свидание – конечная цель, оправдательный приговор. Добрейший человек, Фридрих Миллер, наивный брат милосердия, только толку от него – чуть.

Свидания в конце концов нам удалось добиться.

– Что-то долго его не ведут. Какая-то задержка? Пойду узнаю, в чем там дело. – Фридрих поднялся, вышел из комнаты.

А ведь все могло быть иначе. Если бы Алеша не поехал со мной в Одессу... Это я его уговорила.

Путевку купила мама. На следующий день после того, как я защитила диплом. Вернее, купила она две путевки – мне и Руслану Столярову. Мы были знакомы с ним лет двести, он жил в соседнем подъезде до недавнего времени. Руслана мама всегда любила, жалела (я никогда не могла понять за что) и до того им в конце концов прониклась, что не потерпела бы никого другого в качестве моего мужа. Именно поэтому я и скрывала ото всех Алексея. Только Руслану все рассказала и попросила помочь переоформить на Алешу путевку, а в качестве утешительного приза пообещала привезти ему живую медузу в стеклянной банке. Медузе он

не обрадовался, совсем не обрадовался, но заверил, что станет меня прикрывать до нашего возвращения.

Больше всего я боялась, что мама поедет нас провожать, но все обошлось. В аэропортовском магазине Алеша купил цифровой фотоаппарат, и мы тут же сфотографировались. Фотоаппарат был у Алексея, когда его арестовали, теперь у меня даже снимков его не останется. Ничего не останется!

Мы заняли свои места. Я оглядела соседей – туристическая группа из десяти человек – наша группа, нам предстоит вместе лететь, а потом жить бок о бок несколько дней. Мне представилось, что все эти люди нам с Алешей ужасно завидуют. И я опять оглядела их, но уже гордо.

Самолет разогнался и стал набирать высоту. Я закрыла глаза, прижалась к Алексею.

Весь полет я благополучно проспала, но, к сожалению, так и не увидела во сне моря. Впрочем, спала не я одна, старик напротив, тот не проснулся, даже когда мы приземлились в Одессе. Пожилая женщина, вероятно жена, трясла его за плечо, но никак не могла добудиться.

Мы выгрузились из самолета, я с наслаждением вдохнула воздух, наполненный заводскими испарениями и больной, нечистоплотной старостью, – и не почувствовала подвоха. Злое солнце накинuloсь на меня, но я подставила ему свое лицо, улыбнулась и пролепетала что-то глупо-восторженно-счастливое.

А потом мы пошли в магазин покупать курортный наряд для Алеши.

Скрипнула дверь. Это вернулся Фридрих. Посмотрел на меня таинственным взглядом – нарочито таинственным, приложил зачем-то палец к губам.

– Сейчас его приведут. Сейчас, сейчас. Вы только не волнуйтесь, Кирочка.

Я не волнуюсь. Я совсем не волнуюсь! Вот только духи задушили! Мои духи меня задушили. Я больше никогда не смогу пользоваться духами. Этот город оказался страшным монстром.

Снова скрипнула дверь. Кто-то заглянул в комнату. Фридрих тронул меня за плечо:

– Пойдемте, Кирочка.

Я посмотрела на него с удивлением: что он? куда?

– Разве Алексея не сюда приведут?

– Нет, что вы, конечно нет. Пойдемте.

Он снова взял меня под руку, как когда мы входили в это здание. Длинный, длинный коридор...

Комната, в которую мы пришли, была разделена надвое железной решеткой. Ну да, все правильно: этот Кельвейн, за которого принимают Алешу, опасный преступник, мне ведь с Кельвейном, а не с Алешей разрешили свидание.

– Присядьте. Сейчас.

Да-да, сейчас...

Движение, шум. В той, зарешеченной половине – движение, шум. Это дверь открывают.

Я больше никогда не смогу...

Ввели какого-то человека, тоже преступника, как тот, за которого принимают Алешу. Значит, свидание не у меня одной? Но где же еще посетители?

– Кира!

Почему он мне улыбается, этот незнакомый, чужой человек? Откуда знает мое имя? Или они сидят в одной камере, и Алеша ему про меня рассказал?

– Где Алексей? Почему его не приводят? – Я растерянно смотрю на Фридриха – он смотрит на меня насмешливо.

– Как это – где? Вот он, ваш Алексей.

Я еще не понимаю их замыслов, я еще думаю, что это новая ошибка.

– Нет, – простодушно возражаю я. – Это не Алексей.

– Да, это Артур. Артур Кельвейн. Алексей Тучков – фальшивое имя по фальшивому паспорту.

– Кира! Я так соскучился по тебе, Кирочка!

Этот незнакомый, чужой человек пытается протянуть мне руку через решетку, двое стражников его отталкивают и не дают руку дотянуть.

– Видишь, в каком положении я оказался. – Он мне опять улыбается, улыбается.

Я начинаю что-то понимать. Это не ошибка, это самая настоящая подмена!

– Где Алексей? – кричу я. – Где Алеша? – И трясу, отчаянно трясу за плечи Фридриха Миллера.

– Успокойтесь, пожалуйста. Что вы себе позволяете? – Он возмущен, он зол, он совсем не милосерден, он выполнил свою роль и больше не маскируется.

– Прости меня, Кирочка, я так виноват перед тобой. Я невиновен, но я виноват. Мне отсюда не выбраться. Завтра меня пересылают в Германию.

Что он мне говорит, этот чужой человек? Зачем он мне все это говорит? Я не знаю его, мне нет до него никакого дела. Да ведь он говорит с акцентом! С таким же точно акцентом, как Фридрих Миллер.

– Где мой Алеша? – снова спрашиваю я жалобно, чуть не плача – я знаю, они мне не ответят. – Где Алеша?

– Вы плохо себя чувствуете? В таком случае...

Фридрих берет меня за руку выше локтя, крепко берет, как преступницу. Он со мной больше не церемонится.

– Кирочка, прости меня! – умоляет чужой человек.

Я вырываюсь, я выбегаю из этой страшной отвратительной комнаты, я бегу по коридору, длинному-длинному. Я не знаю, куда мне бежать. Кто-то спешит за мной. Мне кричат сзади, приказывают остановиться, но я не слушаю, я все бегу, бегу, пока не упруюсь в глухую стену. Все. Это конец. Мне сквозь нее не пробиться.

Часть первая Пять лет спустя

Глава 1 Первая жертва

В редакции я торчу целый лишний час, хотя делать мне решительно нечего. Все из-за Главного. Он упорно хочет вытолкнуть меня в отпуск. Просто какая-то навязчивая идея у человека! Вот и сегодня с самого утра опять завел свою волюнку:

– Всех сенсаций, Кирочка, не соберете. Тем более что никаких сенсаций в ближайшее время не предвидится – мертвый сезон. – Он смеется довольным, сытым каким-то смехом, как будто мертвый сезон лично его вполне устраивает и даже радует. – Шли бы вы лучше в отпуск. Жара-то какая стоит, в кабинете как в духовке, честное слово. Я бы на вашем месте поехал куда-нибудь к морю.

К морю! Что он знает о море? Иногда мне кажется, что он надо мной просто издевается. Впрочем, о море и я знаю немного.

А на работе я задержалась специально, чтобы он видел: дел у меня невпроворот и в отпуск мне никак нельзя. Каждый год у нас разыгрывается одна и та же комедия: Главный отправляет меня отдыхать, а я изо всех сил сопротивляюсь. В отпуск я не хочу, ни за что не хочу! Отпуска я панически боюсь! Да и что мне делать в отпуске?

Но на этот раз ситуация несколько иная. Совсем иная! Отдохнуть, я и сама чувствую, мне необходимо. Но не сейчас. Потом. Может быть, через месяц. Я знаю одну вещь, которой не знает Главный, которой пока не знает никто: мертвый сезон в этом году разобьется о самую крупную сенсацию в истории существования нашей газеты. Об этом я узнала сегодня около трех часов дня. Как? Как всегда узнаю такие вещи – я это просто увидела.

А впрочем, может, я действительно переутомилась и мне пора в отпуск? Не обязательно ведь куда-то ехать, что, если просто закрыться в квартире и пролежать весь месяц на диване? Неплохая идея, кстати говоря!

Неплохая, даже вполне заманчивая идея. Вот только... Нет, в отпуск потом, сейчас мне никак нельзя в отпуск, скоро, совсем скоро начнется. Что это будет? Громкое убийство? Крупнейший пожар? Захват заложников? Пока не знаю, но уверена, материала хватит на цикл статей.

Часы над головой пропищали новый час. Восемь. Пора уходить. В редакции, кроме выпускающих, никого не осталось – продемонстрировать свою занятость больше не имеет смысла. Я выключила компьютер, сунула в сумку диктофон и тут поняла, что задержалась вовсе не из-за Главного. Домой идти страшно не хочется – вот в чем дело. Новое что-то, раньше со мной такого не было. Я попыталась разобраться в своих ощущениях: должна же быть для этого какая-то причина – и не смогла понять.

Мне страшно, мне просто страшно возвращаться домой, а причина в том, что...

Не стоит думать ни о каких причинах, и отсрочить возвращение домой совсем не сложно: можно прогуляться по городу или пойти в кино.

Улица совсем не остыла, хоть был уже вечер. В ночном кинотеатре сеанс начинается в девять – если поторопиться, как раз успею к началу. Почему же мне все-таки не хочется домой?

В баре, в кинотеатре, купила минералки, выпила таблетку пенталгина, привалилась к спинке кресла, закрыла глаза – фильм уже начинался. Боль бьет в затылок и никак не хочет

уняться. Запищал мобильник – нет, это не у меня, это там, на экране. Какая знакомая, однако, мелодия. Может быть, я уже смотрела этот фильм? Сквозь закрытые веки мелькают экранные тени. А трубку все не берут. *Нет сил подняться – бессонная ночь... Ребенок плачет и плачет, не может уняться, как боль в затылке. Сколько можно не спать? Жаром дышит бессонная ночь. Телефон, плач ребенка, отблеск пламени в окне дома напротив, бутылочка с оплавленной соской крутится, крутится волчком...* Вот оно что, пожар! Почему я опять увидела эту картину? Она мне уже не нужна, пережита, написана.

Статья называлась «Огненная западня» и произвела на публику двойственное впечатление. Одни обвиняли меня в кошунстве, в пугающей материализации деталей (бутылочка-то главным образом и добила), в связи с дьяволом (определенные вещи я и знать не должна была). Другая статья привела в восторг именно из-за того, из-за чего не понравилась первым. Коллеги-журналисты мне страшно завидовали, хоть и пытались не показывать виду, тогда и приклеилось ко мне мое прозвище Мисс Сенсация – насмешливо-подхалимское. Это было четыре года назад, с тех пор и пошла в гору моя карьера, в головокружительно крутую гору. Все сенсации были мои, я всегда успевала подоспеть раньше своих коллег, а зачастую и раньше служб спасения. Никому никогда и в голову не могло прийти, что я просто вижу картины.

Вот и сегодня, в три часа дня... Нет, с сегодняшним днем что-то не то. Обычно все происходит не так, картина, которую я вижу, лично меня не касается – это чужая беда. А сегодня... Все время вспоминается Одесса...

Депрессия, обыкновенная депрессия от усталости и жары. В самом деле, не подумать ли об отпуске?

А фильм, оказывается, кончился, я все проворонила, пора уходить, пора возвращаться домой.

Темная, темная ночь, но прохладней не стало. Воздух тяжелый и душный, как моя голова. Опрометчивый поступок – оставить машину на стоянке, теперь неизвестно сколько придется ждать троллейбуса.

Нисколько не пришлось ждать! Вот он, мой троллейбус, выворачивает из-за угла. Почти пустой – по вечернему времени, возможно, последний.

Барабанной дробью стучит боль. *Некрасивая пегая кошка ползет, ползет, изображая великую охотницу.* Снова наползает картина – прошлая, бесполезная, уже использованная. Я никогда не видела лица убийцы. Всю обстановку, до мелочей, но никогда – убийцу. Сколько прошло за эти годы преступлений в моей голове? Не сосчитать. А впрочем, при желании можно, стоит только перелистать подшивки – почти все они описаны в моих статьях.

Боль барабанит. Наверное, из-за нее я никак не могу увидеть сегодняшнее. Это касается меня, первый раз за все эти годы это касается меня, а я не могу увидеть. В три часа дня... Что произошло сегодня в три часа дня? Преграда стоит и никак сквозь нее не пробиться. И домой ужасно не хочется. Почему я так не хочу возвращаться домой?

Не вижу. Не понимаю. Возникают лишь старые картины, а этой нет. А может быть, именно потому я не вижу, что эта картина – моя?

Боль барабанит, как дождик по зонтику. Мокрый асфальт, ноги скользят, скользят, так трудно устоять! Если бы Алеша не поддерживал меня под руку, я бы все же упала. Мокрая дорожка, голова немного кружится. Плечо у Алеши тоже мокрое – на плечо зонтика не хватило. Идем молча, скользим по дорожке, а хочется смеяться, смеяться. Эта мокрая дорожка ведет из скверика в мой двор. Вообще-то двор этот бабушкин, но на все лето он мой. В скверике мы долго сидим, подложив под себя мои конспекты: я все никак не могу решиться пригласить его к себе, а он не решается напроситься в гости. И вот мы идем, а дождь барабанит.

И боль барабанит. Я все поняла! Преступления не было. Было другое: сегодня в три часа дня вернулся Алеша. Он вернулся, а я не хочу домой. Он ждет, давно уже, с трех часов ждет, а я

все оттягиваю и оттягиваю свое возвращение. Потому что боюсь начинать все с начала, потому что боюсь оказаться опять там, где я оказалась, – я изменилась, я излечилась, и призраки мне не нужны.

Нет никаких призраков, никого в моей квартире нет, кроме Феликса, голодного, обиженного Феликса. Алеша пропал пять лет назад, с тех пор от него никаких известий, с чего вдруг ему сейчас возвращаться? Кстати, моя остановка, чуть не проехала.

Боже мой, какая духота! А я почему-то представила, что выйду из троллейбуса, а на улице дождь. Ну да, это меня моя мокрая дорожка сбила. Мокрая дорожка, по которой...

Тот человек, которого они зачем-то пытались выдать за Алешу, сидит в тюрьме где-то в Германии. Его приговорили к пожизненному. Да мне нет до него никакого дела! А Алеша... Алешу они, наверное, убили. Жаль, что я тогда не умела видеть картины, знала бы наверняка. Да я и так знаю: он мертв, уже пять лет мертв. Почему же я боюсь возвращаться домой, все замедляю и замедляю шаг... Не присесть ли на этой скамейке?

Сколько я здесь сижу? Наверное, уже давно наступила ночь, пора... Я встала, пошла. Но почему-то не к дому, а к скверу, к тому самому скверу, где мы с Алешей сидели и где теперь вечерами гуляем с Феликсом. Бессознательно как-то пошла и вдруг почувствовала необъяснимый, отчетливый страх. Так бывает во сне, когда точно знаешь, что вот этот самый безобидный на вид человек или самый невинный предмет – воплощение ужаса. Ноги подкашивались от страха и отказывались идти, но я зачем-то все шла и шла. Меня всю трясло, но я шла... Шла – и пришла, и увидела. То ужасное, ради чего я сюда явилась. Оно, ужасное, темное – без всякого сомнения, мертвое – сидело на скамейке. Я наклонилась над ним – Алексей надо мной наклонился, я закричала и бросилась прочь – Алексей побежал за мной. Волчком закрутилась дорожка-бутылочка с обгоревшей соской на конце...

Голова моя ткнулась носом в колени, я сильно вздрогнула и очнулась. Что это было? Картина, которой я так ждала весь день, наконец-то явилась? Нет, это не картина, обычно все происходит по-другому. Что же тогда? Сон? Нет, не сон, я действительно только что была в скверике. Была и видела это.

Я не сходила с места, могу поклясться! Как села на скамейку, так и просидела все время. Что же это было?

Проще всего сходить в скверик и проверить. Страшно идти – глухая ночь, невозможно идти: скверик – начало отсчета, начало нового пути – начало пути, который приведет к Алексею. Я не хочу идти...

Но нужно проверить. Нельзя не проверить.

Я опять встала, пошла. Или не опять, а в первый раз встала-пошла? Нужно убедиться: то, что со мной только что было, – просто картина, одна из тех, которые вот уже на протяжении четырех лет я периодически вижу, – картина чужого несчастья, ко мне не имеющего никакого отношения.

Светофор мигает желтым глазом – так до утра и будет мигать. Я перехожу дорогу – скверик: призрачная чернота заснувших кустов по правую руку и по левую. Это там, дальше, на четвертой скамейке. Сама не зная почему, я пошла тихо-тихо, покралась, а не пошла, словно боюсь разбудить то темное, мертвое на скамейке.

Если это и была правдивая картина чьей-то чужой смерти, я ее увидела не одна. Кто-то еще увидел и пришел сюда, как и я, чтобы проверить. В скверике, у четвертой скамейки, стоял человек, он склонился над телом.

Он не проверить пришел, а убить! Он, тот, что склонился над телом, – убийца! Он – убийца, а я – свидетель убийства, убийства, которое совершается сейчас, в данный момент, или только что совершилось. Что мне делать? Кричать, звать на помощь? Попытаться его схватить? Попытаться спасти того – может быть, он еще не успел его убить? Я продолжаю красться, тихо-

тихо ступаю, так и не придумав, что стану дальше делать. Я крадусь, крадусь, докрадываюсь до скамейки.

– Стойте!

Человек дернулся, отшатнулся, обернулся ко мне – что-то знакомое почудилось в его облике – и бросился бежать. Я ринулась было за ним, но поняла, что это бессмысленно, и вернулась к скамейке.

Желтый глаз светофора вспыхивал и гас, гас и вспыхивал, но света его было недостаточно, чтобы рассмотреть детали. Видно только, что сидит человек как-то неестественно поджав ноги. Неподвижно сидит. Нужно подойти ближе, дотронуться до него, попытаться нащупать пульс на шее – и тогда будет ясно.

Я засовываю руку в сумку и долго там шарю. Что я ищу? Не знаю, все как-то не так, как обычно. Раньше видения мои были совсем нестрашны и не так осязаемы – просто картинки, вроде кино. Зажигалка! Вот оно что, я искала зажигалку, чтобы его осветить, чтобы получше все рассмотреть, потому что светофорного желтого света совсем не достаточно, чтобы убедиться: никакая это не картина, а настоящий мертвый человек, убитый почти на моих глазах тем, чей облик мне показался знакомым.

Я подношу огонек к самому лицу сидящего на скамейке. Молодой парень, лет двадцати пяти, не больше. На левом виске огромный синяк, но крови не видно. Долго, долго стою и смотрю – лицо его мне тоже кажется смутно знакомым, – прежде чем решаюсь протянуть руку и тронуть его за плечо. Твердое плечо, неестественно твердое, и мертво холодное – это ощущается даже сквозь ткань его рубашки. Он умер не сейчас, он уже несколько часов мертв. Зажигалка нагрелась и нестерпимо жжет палец, но я все стою и смотрю: я видела этого парня когда-то, точно видела, но вот где и когда? потушила на минуту, подула на обожженный палец и снова включила. Лицо его вызывает неприятное чувство, но не пробуждает никаких воспоминаний, я не помню, где и когда его видела. Может, не стоит вспоминать? Стоит. Это важно. Это как-то связано... С чем это связано?

И этот человек, который над ним стоял, а потом убежал, тоже показался мне знакомым. Правда, рассмотреть я его не успела, все произошло слишком быстро. Нет, кое-что я все же успела заметить: грязные седые волосы, плешь на затылке, затравленный взгляд и в глазах – ужас узнавания. Значит, и он меня знает? А еще я почувствовала запах – в тот момент я не придавала ему значения – сильного, многодневного перегара. Перегар и грязные волосы, седые грязные волосы. И плешь... Я закрыла глаза, вспомнила его глаза и вдруг поняла, кто он такой. Годунов. Лев Борисович Годунов, бывший главный редактор нашей газеты, опустившийся до состояния полубомжа. Лет семь назад у него погиб сын, и он стал сильно пить, года два еще кое-как держался и работал, но после какого-то особенно жуткого запоя его все-таки уволили, а потом его выгнала из дома жена. Теперь кочует по знакомым – его многие жалеют и пускают переночевать. Он и у меня много раз оставался, я его с третьего курса знаю, с тех пор как стала работать в газете «Происшествия». Лев Борисович, господи, неужели он мог убить?

Нет, не мог. Этот человек уже несколько часов мертв. Годунов просто проходил мимо, а испугался, потому что увидел меня и подумал, что я решу, будто убил он.

Я снова осветила лицо мертвого, мне во что бы то ни стало нужно было разрешить загадку: кто он такой и откуда я его знаю?

Да не знаю я его, совсем не знаю! А лицо знакомое мало ли почему? Может, когда-то стояли в одной очереди в магазине или ехали рядом в троллейбусе. Нужно звонить в милицию, а не разгадывать дурацкие загадки.

Я набрала номер дежурной части и отошла от скамейки. И тут поняла, что меня так взволновало: вовсе не то, что лицо убитого смутно знакомо, и не странная двусмысленная встреча с Годуновым. Я вдруг ясно увидела, что это убийство – пролог к той самой сенсации, которая мне представилась днем. Оно – первое в цепочке. Вот что произошло сегодня в три часа дня:

не возвращение Алексея, а гибель этого смутно знакомого парня. И когда я это поняла, мне стало так легко, даже весело, и сразу же захотелось работать. Я проверила пленку в диктофоне и решила дождаться приезда милиции.

... Они приехали ровно через восемь минут – я засекала по часам. Тяжело, как-то устало и недовольно вывалились из машины, направились к скверу. Я рассказала все, как было, вернее, как сочла нужным рассказать: гуляла, случайно наткнулась на труп. О своих видениях и Годунове я, конечно, умолчала. Но зато предсказала – и на этом, черт знает почему, даже стала настаивать, – что убийство это серийное. Это только первая жертва, вешала я, будут еще и еще убийства, и в самом скором времени. В конце концов довела их своими пророчествами до того, что они не знали, как от меня отделаться.

После разговора с милицией настроение у меня улучшилось, головная боль почти прошла и возвращение домой перестало пугать. Об Алексее я больше не думала. Занимала меня сейчас только статья. Материала, конечно, маловато, но зато хоть отбавляй личных впечатлений. Я уже и название придумала, и первую фразу. Хотелось поскорее сесть за компьютер и начать работать...

И название, и первая фраза вылетели из головы, как только я вошла в подъезд. Страшно, отчаянно кричал Феликс. Я бросилась к лифту – к счастью, он оказался внизу и сразу открылся. Я не знала, что и думать, что могло так его напугать, что могло случиться. Нет, я знала, я знала. Алексей... Это все же он вернулся, а труп на скамейке – не имеющий ко мне отношения случай из чужой жизни. И я напрасно надеялась свалить на него свою собственную беду.

Но почему это беда? Я ведь так ждала его когда-то, так надеялась, что он вернется. И тогда, в Одессе, ждала, ни за что не хотела уезжать домой, и дома ждала, а когда умерла бабушка и я окончательно переселилась в эту квартиру, ожидание стало навязчивой идеей: именно здесь наша любовь облеклась в материальную форму, значит, именно сюда он и должен был возвратиться.

И вот возвратился. И напугал до полусмерти Феликса. И разрушил мою жизнь.

Лифт утробно взвыл и затрясся в самом конце пути – боже мой, неужели застрянет? Мигнула лампочка. Лифт сильно дернулся и открылся. Плач Феликса на секунду замер, потом разразился с новой силой. На площадке собралась толпа соседей. Все возмущенно что-то кричали, и только Василий Максимович, верхний сосед, выглядел озабоченным и расстроенным.

– Кирочка! – Он схватил меня за руку. – Я так волновался за вас, думал, что-то случилось. Феликс плачет, а вы не отзываетесь. Дверь хотел ломать. – Он кивнул на топорик, приклоненный к косяку.

Я ничего не ответила, молча стала открывать дверь, замок никак не давался. Феликс уже не выл, а жалобно-жалобно постанывал.

Но вот наконец дверь поддалась. Феликс вылетел пулей из квартиры и бросился ко мне.

– Ну что ты, мой дурачок, чего ты так испугался, малыш мой глупенький? – Я обняла теплое мохнатое тело своего девятикилограммового малыша, вот так бы стоять и стоять и не заходить в квартиру, я ведь знаю, что тебя так напугало, я ведь сама этого боюсь несколько не меньше. Но зайти все же придется.

Потом, после прогулки! Надо ведь выгулять Феликса. Мы погуляем, а потом и зайдем, вместе – вдвоем не так страшно, правда, малыш?

Я протянула руку, сняла поводок, не переступая порога, захлопнула дверь. Соседи все разошлись, кроме Василия Максимовича. Он стоял с озабоченным видом, покручивал в руке топорик и смотрел на нас с Феликсом с какой-то непонятной трагической нежностью.

– Гулять идете?

– Приходится! – Я развела руками, мол, идти на ночь глядя страшно не хочется, но что поделаешь, собачьи потребности.

Мы направились к лифту, Феликс опять принялся подвывать.

– Что это с ним сегодня? – Василий Максимович потрепал пса по загривку. – Может, у него что-нибудь болит?

Болит, еще как болит, душа его собачья болит: на лифте приехал Алеша.

– Не знаю. Завтра свожу к ветеринару.

Василий Максимович покивал все с таким же озабоченным видом.

– Вот что, давайте я вас провожу, а то уже поздно, мало ли что? Я так за вас, Кирочка, переволновался!

– Проводите. – Я улыбнулась соседу, мне приятна была его забота.

Открылся лифт. Феликс с тревогой на меня посмотрел: запах врага все еще не выветрился, неужели ты не чувствуешь? Чувствую, малыш, но пешком слишком долго, видишь, как я устала? Ну что ж, как хочешь, проскулил пес, тяжело вздохнул и вошел в лифт.

– Я спать ложился, а тут Феликс вдруг как завоет, – продолжал Василий Максимович, когда мы спустились и вышли во двор. – Он так жутко плакал! Звоню вам, а телефон не отвечает, спускаюсь вниз – а тут уже соседей полно, ну, думаю, точно, случилась беда.

– Беда случилась, только не со мной, – озабоченно, в тон ему сказала я. Нужно было срочно отвести подозрения от истинной причины нашего с Феликсом сумасшествия – мне почему-то казалось, что возвращение Алеша для всех очевидность, – и я поведала историю в скверике. И так увлеклась, и так опять ею прониклась, что сама поверила: труп на скамейке, этот чужой, не имеющий ко мне отношения труп, – истинная причина происходящего. – Вот увидите, – вдохновенно вещала я с интонациями пророка, – это только начало, только первая жертва.

– Сексуальный маньяк? – Василий Максимович брезгливо скривился.

– Не обязательно. И вообще, вряд ли. Нет, не похоже, что сексуальный, но... Может быть, религиозный маньяк или... Мало ли на чем человек может заикнуться! И потом, мне всегда казалось, что маньяк убивает только по одной причине: ему нравится убивать. А база, которую он подводит под свои убийства, – лишь оправдание перед самим собой, перед обществом, перед жертвой. Но главное, перед самим собой!

– Вы так думаете?

– Да уверена! Убийство ради убийства, наслаждение смертью, и больше ничего.

– Наслаждение смертью?

– Чужой смертью. Перед тобой человек, он ходит, думает, страдает, радуется – и тут раз: одним точным ударом в висок прекращаются все его мысли, страдания и радости. Труп на скамейке с неловко, неестественно поджатыми ногами – уже не человек. Вот она цель: сделать живого мертвым, единственная цель.

– Вы это так убежденно говорите, будто сами испытали нечто подобное. Мне даже страшновато стало. – Василий Максимович достал сигареты, закурил.

Я почувствовала, что тоже нестерпимо хочу курить. Вообще-то я давно пытаюсь бросить и уже достигла кое-каких успехов: выкуриваю не больше трех сигарет в день. Лимит на сегодня исчерпан, но... Курить хочется невыносимо. Я поколебалась еще немного и тоже достала сигареты.

– Но почему вы думаете, что этого парня убил маньяк?

– Да так. – Я пожалала плечами – от этого моего вполне невинного жеста Василия Максимовича почему-то всего передернуло.

– И кто же, по-вашему, станет следующей жертвой, такой же парень, как этот, сегодняшний?

– Не обязательно, убийство-то, судя по всему, не сексуальное, если, конечно, не учитывать, что само по себе убийство уже сексуально. Может быть, парень, а может, и девушка или даже старушка. Мне кажется, ему все равно, кого убивать. Но способ останется тем же: удар в висок – быстрая смерть.

– У вас яркое воображение, Кирочка. Я бы даже сказал, слишком яркое. Возможно, все не так плохо: парня убили, чтобы ограбить, нет никакого маньяка.

– Жаль, если так. – Я засмеялась. – Шучу. Но это действительно собьет мои планы, у меня на этого маньяка виды.

– Какие виды у вас могут быть на маньяка? – ужаснулся совершенно серьезно Василий Максимович.

– Мертвый сезон, а тут вдруг такая возможность, такой материал. Могла получиться настоящая сенсация.

– Но ведь люди погибнут, разве вам их не жалко?

– Жалко. Но наверное, я в чем-то тоже маньяк – маньяк от журналистики. Да нет, шучу, шучу. Конечно, мне жалко людей, я прекрасно понимаю, что ни одна самая серая человеческая жизнь не стоит самой яркой газетной статьи. А вообще, маньяков гораздо больше, чем принято считать. Профессиональных маньяков. Киллер, например, тот же маньяк. Он тоже просто оправдывает свою страсть убивать работой, на самом же деле... – Я осеклась, приводить в пример киллера совершенно не стоило, мне стало неприятно и досадно. Я поднялась со скамейки, позвала Феликса – он усиленно что-то разрывал у куста. – Пойдемте, Василий Максимович, уже поздно, я так устала, и спать очень хочется.

– Пойдемте. – Он медленно и как-то нерешительно встал, поднял свой топорик и, не глядя на меня, словно мы пришли отдельно и вообще незнакомы, пошел к подъезду. Неужели наш разговор так на него подействовал? Смешно, в самом деле, я ведь просто теоретизировала.

Феликс опять затормозил у лифта и стал подвывать, но на его капризы я перестала обращать внимание, взяла за ошейник и втокнула в кабину – он на меня обиделся. Василий Максимович за весь путь до моего восьмого этажа не сказал ни слова и холодно попрощался, когда я выходила. Меня это очень задело, стало так горько. Мой верхний сосед – один из немногих людей, к которым я привязана. Мы довольно часто заходим друг к другу в гости, выпить чаю, поговорить – до сегодняшнего дня наши взгляды на жизнь сходились, несмотря на большую разницу в возрасте (ему сорок восемь, мне двадцать шесть), несмотря на абсолютно различный склад ума. Он бывший научный сотрудник НИИ киберпсихологии, сейчас работает заведующим отделом страхования в Пенсионном фонде.

Знакомы мы с ним года полтора, с тех пор как он переехал в наш дом. Будет очень жалко, если наши приятельские отношения из-за сегодняшнего разговора разладятся.

Жалко, но не смертельно. Тем более что... Я вдруг обнаружила, что уже минут пять стою у своей двери. Ну да, не об отношениях с соседом мне нужно сейчас думать, тем более что... отношения, может, мне больше никакие и не понадобятся. Ни с кем, никакие, никогда. Феликс поскреб лапой родную дверь и посмотрел на меня тревожно-вопросительно: ну что, заходим? Подожди, минутку еще подожди... Или ладно, заходим.

Я сделала глубокий вдох и резко ударила рукой по выключателю. Прихожая, комната... Никакого Алеша в квартире нет. Приходил, не дождался меня и ушел? Или я перепутала день – он вернется завтра?

Ни завтра, ни послезавтра, никогда он не вернется, глупые выдумки! И надо было так себя мучить? Нет никакого Алеша, он умер, погиб, его убили пять лет назад, для того чтобы подменить преступником.

В то, что его нет, совсем нигде нет, я никогда не могла поверить – ни тогда, когда его ждала, ни потом, когда стала бояться его возвращения. Вопреки всему, вопреки очевидности.

Впрочем, очевидность-то как раз состояла в другом: они все утверждали, что он жив, но преступник. Фридрих Миллер утверждал, полиция утверждала. Этим-то, конечно, верить не стоило. Но ведь то же самое стали утверждать люди нейтральные, ни в чем не заинтересованные.

Фотоаппарат мне вернули на следующий день после свидания. Фридрих принес, я так была ему благодарна, я ведь не знала еще, что это новая их уловка! Не понимаю, чего они добивались, но тогда мне показалось, что единственная их цель – свести меня с ума: на всех снимках вместо Алеши был тот человек, которого они предъявили мне в тюрьме: аэропорт – и я обнимаюсь с преступником, трап самолета – голова моя лежит на его плече, крыльцо магазина мужской одежды – мы счастливы, необыкновенно счастливы – я и этот чужой человек. На всех кадрах чужой человек. Оставалось поверить, что он и есть мой Алеша, они ведь так старались меня в этом убедить. Но я не поверила. Я стала искать свидетелей.

Наша тургруппа, к счастью, еще не уехала, не оказалось только семейной пары – старика, который так крепко заснул в самолете, и его жены. С цифровиком я пошла по комнатам, мне во что бы то ни стало нужно было добиться опровержения. Посмотрите внимательно, взывала я, и, пожалуйста, вспомните, с этим ли молодым человеком мы все вместе летели, с ним ли мы поселились в гостинице?

С этим, утверждали они в один голос, с ним, лгали они и сочувственно на меня смотрели – честными глазами смотрели, все они были подкуплены! Наверняка подкуплены, иначе как объяснить такую солидарность во лжи?

А потом наша группа улетела домой, а я осталась в гостинице дожидаться Алексея, пока за мной не приехала мама и не увезла насильно. Но и дома я продолжала ждать от него известий. Родители утверждали, что у меня нервный срыв, Руслан утверждал, что у меня нервный срыв, все кругом стали утверждать, что у меня нервный срыв и нужно принимать какие-то меры. Меры были приняты. Однажды утром мы с мамой поехали к известному психоаналитику и гипнотизеру – в цирке бы ему выступать, добился бы еще большей известности! – Малиновскому. От ожидания он не излечил, но зато открыл во мне потенциальную способность к предвидению, посоветовал ее развивать, снабдил методиками и сам стал со мной заниматься. Теперь я вижу картины чужих несчастий, попеваю на место происшествий раньше других журналистов, а зачастую и раньше служб спасения, описываю человеческие трагедии так, будто я присутствовала при них сама, поражаю читателей и коллег, вызываю в окружающих зависть, гнев, восхищение. Мисс Сенсация – вот она, моя новая суть, я вполне сжилась с этим званием, моя теперешняя жизнь меня совершенно устраивает, Алеша в ней лишний. А может, метод лечения Малиновского в этом и состоял: не добиться моего понимания, что я ожидаю Годо, а перекинуть неистовость чувств в другую сферу? Так или иначе, результата он добился: Алексей мне больше не нужен. Я боюсь его возвращения – оно, безусловно, нарушит с таким трудом достигнутое равновесие.

Не нужен, боюсь, нарушит – все так и не так. Моя жизнь разделилась на две половины – до ожидания и после. О той, первой, половине у меня остались лишь смутные представления: все помню, но совершенно не ощущаю, как будто я в ней не жила, а наблюдала со стороны, она меня не касалась. Иногда мне кажется, что не было никакой такой жизни, а так как Алеша возник в той половине, то и в его существование я не верю. Не верю, что его не стало, умер, но и не верю, что он был, жил.

Не верю и все же боюсь возвращения. Алеша – фантом, как ни посмотри, но возвращение его совершенно реально.

Феликс привалился к моему боку и, не дождавшись ужина, задремал. Во сне он нежно поскуливал и подергивался. В детстве у него бывали нервные припадки.

– Просыпайся, соня! – Я легонько потянула его за мохнатое ухо. – Идем кормиться.

Пес вскочил, замотал головой – наверное, чтобы окончательно пробудиться и хорошо соображать – и пошел на кухню. Я открыла ему консервы, вывалила в миску – возиться с собачьим супом не было сил. Себе тоже ничего готовить не стала, выпила чаю с печеньем и развела на еще одну неучтенную сигарету. И вот когда я предавалась запретному удовольствию, в дверь позвонили. Сигарета прилипла к губе и оторвалась вместе с кожей. Феликс поднял

голову от своей миски, посмотрел на меня с участием. Он так и не побежал в прихожую, не подал голоса, стоял, смотрел на меня и молчал, предлагая самой мне решать, открывать или нет.

Я так долго ждала его возвращения, а теперь растерялась. Столько раз представляла: он вернулся – и счастье, он вернулся – и вернулся кошмар. А сегодняшним вечером наконец пришла к мудрому решению: объяснить Алексею, что ему больше нет места в нашей с Феликсом жизни. Что ж тогда я так растерялась, решение совершенно правильное?

Снова звякнул звонок – несмелый, обрывчатый: он и сам понимает все и не смеет настаивать: не откроют – уйдет.

– Открывать или нет, как ты думаешь? – попыталась я переложить ответственность на собачьи плечи. Феликс мотнул головой и ничего не ответил: не в его компетенции, мол, принимать такие масштабные решения.

Открывать или нет? Я вдруг поняла, почему все эти годы так боялась его возвращения: я боялась подмены. Подсознательно боялась подмены, а теперь вдруг поняла, потому что представила: открываю дверь, а на пороге стоит человек из одесской тюрьмы, тот чужой человек, преступник.

Так что же мне делать: открывать или нет?

Открывать! Потому что однажды мне все-таки придется открыть. Так лучше сейчас, лучше сразу.

– Ты мне pomoжешь, малыш, если что-то пойдет не так, ладно?

Заручившись поддержкой Феликса, я пошла открывать.

* * *

В первый момент я его не узнала, потому что настроилась совсем на другого человека – настоящего или подменыша, из той, несуществующей жизни. Реальность моего позднего гостя была столь абсурдно нереальной, что сознание отказалось принимать его иначе как некую галлюцинацию.

– Здравствуйте, Лев Борисович, – поздоровалась я с галлюцинацией и замолчала, не зная, что делать дальше.

– Впустишь? – робко, не поднимая на меня глаз, спросил Годунов.

– Проходите, конечно.

– Я вот тут мимо шел, – виновато пробормотал мой бывший редактор и боком, весь как-то сторбившись, протиснулся в неширокую щель, обдав меня перегаром. Не галлюцинация, вполне настоящий Годунов!

– Проходите, конечно, – снова повторила я, одновременно испытывая необъяснимую тревогу и совершенно понятное облегчение.

Лев Борисович снял свои старые, изношенные (наверняка кто-то отдал) туфли и направился к кухне. Я последовала за ним, соображая, осталась ли в холодильнике водка (я всегда держала для него водку), и расстраиваясь, что не приготовила ужин и накормить его будет нечем. Феликс крутился под ногами, не зная, можно ли выражать радость: он любил Годунова, но не мог понять моего настроения – а рада ли я его приходу? Я и сама этого разобрать не могла. Что-то тревожное билось то ли в мозгу, то ли в сердце, но не рождало никаких ассоциаций.

– Кирочка! – перегаром выдохнул и посмотрел, затравленно, жалко, сальная седая прядь волос мазнула меня по лицу. Какая старая, несвежая, пропитая у него кожа! Я вспомнила! Да как я вообще могла забыть? Он тоже был в скверике. Водка отменяется – не поможет теперь никакая водка! – ужин отменяется, все, все теперь отменяется. Лев Борисович Годунов убил человека. Отменяется жизнь. Тогда я в это не поверила: мысль, что Годунов убийца, – невозможная мысль. А теперь вдруг не только поверила, но и совершенно поверила. Почему он так

на меня смотрит? Пусть опровергнет. Да опровергай же, черт возьми! – Кирочка! – Грузно опустился на стул, закрыл лицо руками – опровержения не последует, последует признание. – Мне страшно, мне стыдно, Кирочка, мне не хочется жить! – Заплакал, затрясся в рыдании. Как это действительно страшно! – Не думал, что когда-нибудь до такого дойду, а вот дошел.

– Лев Борисович!

– Даже когда ночевал на вокзале, не знал, что дойду.

Плачет, трясется, но на меня не смотрит, вытирает ладонью нос. Принести ему платок? Налить водки? Что мне с ним делать потом, когда все расскажет?

Я открыла холодильник, нашла бутылку. Стопки на две здесь точно хватит. Зачем-то поболтала водку, вылила в чайную чашку – в комнату за рюмкой не пошла, не решилась оставить его одного на кухне.

– Выпейте, Лев Борисович. – Я поставила перед ним на стол чашку. Да! Нужна ведь еще какая-нибудь закуска. Кроме печенья и собачьих консервов, у меня нет ничего. Достала из шкафа вазу с печеньем.

– Помнишь, как ты первый раз в редакцию пришла?

Взял чашку, а на меня не смотрит.

– Совсем еще малышкой была, но я сразу увидел, толковая девочка.

Ну к чему, к чему эти воспоминания? Зачем предисловия? Рубанул бы уж сразу: убил.

– На каком ты тогда курсе была, на втором?

– На третьем.

Опять заплакал, поставил чашку, так и не выпив, лицо руками закрыл, сидит и трясется беззвучно – ужасное зрелище. Я не вынесу этого! Я ему сейчас сама все скажу.

– Кирочка, ты ведь видела, да? – всхлипывая, невнятно проговорил наконец Годунов. – Ты видела?! – отчаянно выкрикнул он. – Видела?!

– Видела. – Какой смысл отпираться?

Выпил залпом водку, стукнул чашкой о стол, тряхнул головой и вдруг захохотал – прямо затрясся от смеха, как до этого от рыданий.

– А денег-то совсем не оказалось, так, мелочь, рублей восемь набралось. Я часы с него снял, а они не ходят, стоят, и стекло в трещинах – кому такие продашь? Хреновый из меня мародер получился!

– Почему мародер? – не выдержала я его смеха. – Вы убийца.

– Убийца? – Он испуганно, непонимающе на меня посмотрел. – Да нет, Кирочка, я только ограбил. Он уже холодный был. Я сначала подумал, пьяный или обколотый, а он остыл давно. Мне деньги были нужны позарез. Даже к жене сегодня навевывался, но она прогнала, конечно. К тебе пошел, а тебя дома не оказалось, сидел вот там, – он кивнул на окно, – на скамейке, ждал, думал, уже не придешь. А деньги нужны! Выпить хотелось до невозможности, а тут еще сигареты кончились. В скверик ваш завернул – в таких местах всегда бычков насобирать можно, – иду, смотрю, сидит на скамейке парень. Я к нему: закурить, спрашиваю, не найдется? Не отвечает, не шевелится. – Лев Борисович взял чашку, но водки в ней больше не было. Покрутил в руке и разочарованно поставил на место. – В карман к нему залез, выгреб всю мелочь. Сообразил, не считая, что на бутылку этого не хватит. Стал с него часы снимать – тут-то и понял: с мертвого снимаю, мертвого граблю. Понял и все-таки снял! – Он сжал кулак и стукнул им по столу. Чашка подскочила, ударилась о вазочку с печеньем, зазвенела. Почему-то этот звон меня окончательно вывел из терпения, меня просто затрясло.

– Замолчите! – закричала я Годунову. – Хватит! Не надо ничего рассказывать! Я поняла, что убили не вы, остальное меня не волнует! И вытрите сопли, в конце концов! – Я сорвала с крючка кухонное полотенце – петелька с треском лопнула – и бросила ему на колени.

Он никак не отреагировал на мой истерический выпад, будто вообще его не заметил. Продолжал казнить, снова сжал кулак, не меняя своей покаянной интонации:

– Такого кощунства Бог не мог мне простить. Я это понимал и все-таки делал – снимал часы с мертвого (ремешок никак не хотел расстегиваться, хитрая там какая-то застежка оказалась), заново обшарил карманы, надеялся, что хоть что-нибудь еще удастся найти, подумал, не позаимствовать ли и обувь, размер вроде мой, а туфли хорошие, крепкие, мои-то вот-вот развалятся. И Бог не простил. Я и закончить не успел свое грязное, отвратительное дело, как он меня наказал. Не могла ты там просто так оказаться! Что тебе было делать ночью в сквере? Бог тебя туда прислал в наказание мне. Страшнее ничего со мной произойти не могло! Кто угодно застал бы, кто угодно увидел бы, но не ты, не ты! Не ты! – яростно выкрикнул он, с размаху ударил себя по лицу и завыл в голос.

Этого выдержать я уже не смогла. Я обняла его, прижала к себе – и мы вместе закачались в истерике.

– Лев Борисович, хороший мой, милый Лев Борисович, – всхлипывая, бормотала я. – Самый лучший, самый умный, самый добрый...

– Помнишь «Вернись в Сорренто»? Я все Пашке пел, когда его от нас переманили, помнишь? Я тогда еще был человеком, нормальным человеком, не ночевал в притонах, не грабил трупы...

– Лев Борисович, милый, милый Лев Борисович!

– Ты помнишь, помнишь? Я сам себе противен, от меня запах, как от бомжа, да я ведь и есть бомж! Страшнее ничего, ничего не могло со мной!.. Я все твою первую статью вспоминал и хотел умереть. Зашел в один дом, «свечка» на проспекте Молодежи, двадцатидвухэтажка... На лифте поехал умирать! Думал, с крыши сброшусь, а чердак оказался закрыт. Да что там, разве в этом дело! Не смог, понимаешь, не смог. И вот к тебе потащился. Оправдываться.

– Лев Борисович, милый, не надо!

– Грех замаливать пришел, чтобы жить. Смерти испугался и к тебе пришел.

– Не надо, не надо, ничего не говорите, – уговаривала я его и целовала в грязную, плешивую, седую голову. У меня сердце разрывалось от жалости! Так хотелось убаюкать его боль. Несчастный, измученный несправедливой жизнью человек, что я могла для него сделать? Ничего, ничего, только обнять, приласкать, даже водка кончилась!

– Кирочка, девочка моя хорошая, прости меня!

– Ну что вы, что вы, Лев Борисович? Вы ни в чем не виноваты. Тише, тише, не надо плакать! – Я обняла его одной рукой, другой тихонько гладила по голове и качала, качала – укачивала. – Давайте я вас уложу. Вам обязательно нужно поспать.

– Прости меня, прости, моя девочка.

Я прислонила его голову к стене, поцеловала и пошла за матрасом и постелью.

* * *

Сон оборвался внезапно, на недоигранной ноте, его бы с лихвой могло хватить еще на два такта, но он оборвался. Было обидно и отчего-то грустно. Может, оттого, что не удалось досмотреть сон? Нет, тут что-то другое. Я лежала с закрытыми глазами и никак не могла определить свое ощущение. Протянула руку – механический, почти неосознанный жест – и вдруг натолкнулась на пустоту. Феликс! Он всегда спит вместе со мной, а сейчас его нет! Села на постели, оглядела комнату – нигде его нет!

– Феликс! – закричала я, впадая в панику. – Феликс, иди сюда, Феликс!

Зацокали когти по голому полу прихожей – слава богу, он здесь! – скрипнула дверь, просунулась в щель мохнатая морда, вопросительно посмотрела на меня.

Я встала, взглянула на часы – начало девятого, – приласкала собаку, собралась идти в ванную и вспомнила, что у меня ночует Годунов. Я постелила ему на полу на кухне, как обычно, помогла лечь – от горя, стыда и водки он совсем расклеился, – а потом долго сидела на краю

матраса, гладила по голове, как маленького ребенка, успокаивала, утешала. Как жалко мне его вчера было! А сегодня от жалости не осталось и следа, только неловкость, а оттого досада и раздражение. Подобное чувство, должно быть, испытывает женщина, просыпаясь в постели со случайным любовником. Я никогда ни с кем не просыпалась с тех пор, как Алеша... но думаю, ощущала бы себя так же. О чем говорить и как? Мне и встречаться с ним стыдно. Но надо идти, будить: доброе утро, не хотите ли кофе? И первая сигарета, самая блаженная за целый день, пропадет даром, значит, опять их будет четыре, а то и пять. Да, кстати, накинуть халат, не выходить же к нему в ночной рубашке!

Сдернула со спинки стула халат – шелковый, душный, я его не люблю, – выставила вперед Феликса, словно прикрылась щитом, и поплелась на кухню. Как мне его будить? Потрясти за плечо? Наклониться и шепнуть на ухо: «Лев Борисович, пора просыпаться!»? Чмокнуть в плешь?... Плач на двоих, как постель на двоих, не проходит без последствий, оставляет наутро жестокое похмелье. Может, запустить сначала Феликса, пусть он его будит со всей своей собачьей нежностью, а потом зайду я: доброе утро, не хотите ли кофе? Да, пожалуй, это лучший вариант: неловкость первой минуты сгладит мой верный пес – появится возможность перевести пробуждение в шутку, Феликс – парень серьезный, но, если надо для дела, умеет притвориться наивным, ребячливым и легкомысленным.

Я открыла кухонную дверь, подтолкнула собаку, приготовилась сделать соответствующее выражение лица – и застыла на пороге: никакого Годунова не было. Что за черт! Как такое возможно? Невозможно. Но его нет. И нет никаких следов его пребывания: ни свернутого матраса, ни бутылки из-под водки, ни чашки, из которой он вчера пил. Нет и нет, словно не было. Или действительно не было? Годунов – мой недосмотренный, так внезапно оборвавшийся сон?

Никакой он не сон! Был еще скверик, был сосед Василий Максимович, монолог о природе маньяка (зачем я ему сказала, что киллер – тот же маньяк?) – слишком много для сна, который к тому же сразу забылся. Никакой он не сон! Просто почувствовал то же, что и я: похмелье после совместного плача. И застыдилась, и тихонько ушел, пока я не проснулась.

Не сходится! Уйти-то он мог, но остался бы матрас – разложенный или свернутый. Зачем ему так тщательно заметать следы? Нет в этом никакого смысла.

Я представила, как Лев Борисович проснулся, полежал немного с закрытыми глазами, соображая, куда сегодня угодил на ночевку, принимаясь к чужим запахам. Потянулся, нога его ударилась о ножку стола, звякнула чашка. Звон повлек ассоциации – неприятные: водка в чашке, ограбленный труп, слезы раскаяния – жалкие, немужские слезы, рука, такая нужная вчера и такая назойливо неприятная сегодня, гладит его по волосам – давно не мытым соевым волосам, а носки порваны – пяток совсем нет, на большом пальце дыра, и палец этот лезет в глаза, взгляд от него отвести невозможно. Гладит, утешает, плачет, а думает только о дырке на пальце и о том, какой же он жалкий, и о том еще, как дурно от него пахнет.

Да он возненавидел меня в этот момент! Возненавидел себя, что допустил такую слабость и ко мне потащился. Поднялся, вымыл чашку, поставил в шкаф, свернул постель, отнес в кладовку, пустую бутылку забрал с собой – не оставить следов, а воспоминания, не подкрепленные уликами, ничего не стоят, их так легко принять за сны.

Легко, по себе знаю. Но Годунов у меня вчера был. Обокрал труп, был застигнут на месте преступления и потому пришел ко мне. Просить прощения у своей совести. Ну и ладно, пусть, я его простила, я поверила, что он не убийца. Можно с легким сердцем возвращаться к версии о маньяке.

Такой безопасной для меня и такой заманчивой версии, обещающей богатый материал.

Мне стало легко, не знаю уж, от чего больше: от реабилитации Льва Борисовича, от того, что его не оказалось в квартире, или от предвкушения сенсации. Поставила чайник, позвонила Руслану, попросила, чтобы он заехал за мной, скинула ненавистный душный халат и отправилась в ванную.

* * *

– Ты с ума сошла! – напустился на меня Руслан, когда я поведала ему о своих приключениях. – Зачем тыпустила к себе этого проходимца?

– Он не проходимец, он мой бывший редактор и очень несчастный человек, – заступилась я за Годунова. – Почему я не должна была пускать его к себе?

– Он алкоголик, деградирующая личность, – не унимался Руслан, – от него можно ожидать чего угодно. И потом, ты уверена, что он не мог быть убийцей? Я бы тебе посоветовал...

– Спасибо за совет, как-нибудь своим умом обойдусь.

Руслан обиделся, отвернулся к окну – мы сидели на кухне. Феликс укоризненно на меня посмотрел и прижался к Русланову колену, в наших размолвках и ссорах он всегда брал его сторону – из мужской солидарности, что ли? Довольно долго длилось тягостное молчание: Столяров ужасно обидчив и Годунова почему-то не переносит на дух, заводится при одном упоминании о нем.

– Эй, ребята, – решила я восстановить мир, – мы завтракать сегодня будем? – Я знала, чем их пронять: от еды еще ни один мужик не отказывался.

Перед Русланом я поставила все ту же злосчастную вазочку с печеньем – другого-то у меня ничего не было! – сварила кофе, налила Феликсу простокваши в миску.

Мы завтракали втроем, как тривиальная молодая семья, пока не успевшая обзавестись ребенком. Руслан немного хмурился, что еще больше усиливало сходство: утренняя размолвка в порядке вещей в таких вот неустаканившихся семьях.

Позавтракав, вышли из дому. Было только начало десятого, а жара уже разгоралась вовсю – невыносимое в этом году лето, такое лето действительно только и можно выдержать где-нибудь на морском пляже. Я закрыла глаза, представила набегающие на желтый песок волны, вдохнула прохладный солоноватый воздух – познания о морском пляже у меня так и остались штампованно-кинематографические. А если и в самом деле дернуть в отпуск? Наплевав на запреты, наплевав на призрак из прошлого... Нет, не так: в противовес запретам и призраку узнать наконец, какое оно, это самое море, ощутить его кожей и легкими, попробовать на вкус – может, это поможет мне излечиться? Вдвоем поехать, с Русланом – он был бы счастлив. Расставить по своим местам то, что было когда-то подменено, исправить ошибку... Это ведь ошибка была – переоформить на Алексея путевку Руслана! Первая подмена, которая привела к дальнейшим подменам.

– Эй, ты что, мать, заснула? – Столяров потряс меня за плечо. – Забирайся в машину.

Нет, не поеду я с ним никуда, от призрака он не избавит, не тот человек, не тот.

– В редакцию?

– Нет, сначала в милицию. Может, установили личность вчерашнего парня?

– Вряд ли. Времени у них было мало. Но если хочешь, заедем в милицию.

Услужливый, заботливый, надежный, но от призрака не избавит, и на море с ним ехать не имеет смысла.

И вообще ехать на море не имеет смысла. Минутная слабость – желание поехать на море. Не нужно мне никакое море, мне работа нужна, хороший материал для статьи нужен. А море – фантом, такой же, как Алексей.

В центральном отделении милиции у меня был блат: начальник оперативного штаба майор Ремизов относился ко мне с непонятной неизменной нежностью. Чем я заслужила такое отношение, не знаю, но он всегда воспринимал мой приход как праздник и тут же устраивал по этому поводу чаепитие. Вот и сейчас он мне обрадовался, но, к сожалению, ничем помочь не смог: личность убитого установить пока не удалось.

– Никаких заявлений на него не поступало, – расстроившись, что не смог обрадовать, проговорил Ремизов. – Да ты не расстраивайся, времени прошло всего ничего. Если он не бомж, через пару дней установят.

– Не бомж, судя по его виду, но через пару дней меня не устраивает. Думала сегодня сдать материал в завтрашний номер. Я вот еще что хотела узнать, Сергей Петрович. Посмотрите, пожалуйста, по вашим внутренним сводкам не было ли в ближайшее время убийств подобного рода. Я имею в виду...

– Почерк, обстоятельства и так далее? Сейчас посмотрю. – Он снова уткнулся в компьютер. – Нет, не было ничего близкого. А что, есть у тебя на этот счет какие-то соображения? – Он хитро прищурился.

– Есть. Думаю, это начало серии.

– Да ладно! – Ремизов замахал руками. – Что это ты выдумываешь? – Он в шутку схватился за сердце. – Типун тебе на язык! Серия!

– Дай бог, чтобы я ошибалась, но вы же знаете, я никогда не ошибаюсь.

– Знаю, знаю. – Он улыбнулся мне, как улыбаются милому шаловливому ребенку. – Чертовщинкой пахивает это твое «никогда не ошибаюсь». Понять не могу, из каких источников ты черпаешь свое знание. Но почему ты думаешь, что вчерашнее убийство – серийное?

Я изложила ему свои соображения, те самые, которые вчера излагала приехавшей по моему вызову милиции, а потом Василию Максимовичу.

– Н-да. – Ремизов в задумчивости почесал голову карандашом. – И когда, ты думаешь, ждать новой жертвы?

– Сказать наверняка не могу, но чувствую, скоро.

– Скоро? – Он бросил карандаш на стол, вскочил, нервно прошелся по кабинету, остановился напротив меня, уставился недоброжелательным взглядом (впервые за наш разговор, впервые за наше знакомство), несколько секунд смотрел. – Знаешь, и на старуху бывает проруха, будем надеяться, что все-таки ты ошибаешься.

– Будем надеяться. – Я поднялась, попрощалась с майором и вышла из кабинета.

Руслан дождался меня на крыльце – кто бы сомневался! – озабоченно осмотрел с головы до ног, словно я не из милиции вышла, а вырвалась из лап опасного зверя.

– Ну как твой жмурик, прояснился?

– Не прояснился.

– Ладно, не переживай, заедем вечером после работы, может, к тому времени все определится.

* * *

Главный поймал меня в коридоре, зазвал в свой кабинет и опять принялся проедать плешь отпуском. Но я рассказала ему о возможных перспективах, он обрадовался и тут же отстал.

– Ну, если так, конечно! Нельзя упускать такой материал.

Материала, впрочем, пока было немного, в нормальном понимании его совсем не было. И настроение писать почему-то пропало, никакого вчерашнего энтузиазма. Я даже не смогла вспомнить название и первую фразу, которую придумала, возвращаясь домой. Все мысли выветрились из головы, а ощущения затерлись. И амбиции испарились: мне больше не хотелось никакой сенсации, стало пугать продолжение. Я вдруг отчетливо поняла, что и это, и все дальнейшие убийства, которые произойдут, связаны со мной лично. Как – не знаю, но точно связаны. Может, я стану одной из жертв, может, пострадает кто-то из моих близких, а может, сам маньяк – это тот, кто мне дорог...

Я попыталась представить следующую жертву. Мужчина? Женщина? Ребенок? Бескровная смерть... Ничего представить не удалось, воображение отказалось работать в этом направлении. Тогда я попробовала представить убийцу... И почти уже представила – начала складываться картинка, но испугалась, сбежала. Я вошла в компьютер и заставила себя сосредоточиться на статье. И вполне преуспела в этом деле: вспомнила заголовок, который вчера придумала, сочинила новую первую фразу, восстановила свои ощущения, когда шла на встречу с предполагаемым трупом. И вот когда работа меня окончательно увлекла, запиликал мобильник – пришло сообщение. Чертыхнувшись – отвлекают от дела! – нажала на воспроизведение.

Картинка: море. Но я не испугалась, тупо смотрела, не понимая, что это значит. И слушала звук: плеск волн. Без страха слушала. Смотрела, слушала, не понимала и по инерции продолжала обдумывать следующую фразу статьи. Море, волны... Какой-то шутник отрывает от дела. Море... Точно такое же море, как в моих представлениях о нем, я ведь вживую его так и не увидела. И не увижу, потому что никогда не решусь поехать в отпуск. Море и волны... Я не стану читать сообщение! Я не хочу, не хочу знать убийцу в лицо! Я его знаю в лицо. Лицо перевертыш. Оборотень снова выходит на охоту. Киллер – тот же маньяк. Я не стану читать сообщение. Море шумит, шумит. Голова пухнет от этого шума! Заблуждение считать, что жара на море переносится легче! Конечная цель прогулки – новая смерть. Бескровная смерть. Море шумит, голова пухнет, вот распухла до абсурдных размеров, заполнила собой все пространство и ткнулась в препятствие – сообщение. «Думаю о тебе», – гласило оно. Думаю о тебе. Да разве я сомневалась?! Картинка «море» и «думаю о тебе». Это то, чего я ждала со вчерашнего вечера, чего я всегда ждала! Я знаю, кто станет второй жертвой: не старик, не ребенок, не для того он вернулся. Следующей жертвой будет не успевшая состариться женщина.

Глава 2

Виктория Яковлевна. Вторая жертва

В последний момент она струсила, ограничилась стрижкой и укладкой волос, так и не испытав на себе пилинг, обертывание и прочие услуги по списку, так и не узнав, что же это такое и для чего делается. Над запланированной расточительностью взяла верх практичность, ввевшаяся в ее натуру. Виктория Яковлевна насмешливо посмотрела на себя в зеркало: плебейка и дура, раз в жизни не смогла разгуляться! И тут же покосилась на парикмахершу, колдующую над ее прической, испугалась, что та заметила ее взгляд и все поняла, и опять испугалась. Не так, совсем не так она представляла этот поход в салон красоты. Хозяйкой жизни, а не забитой просительницей должна она была сюда войти: меня перестал устраивать мой мастер, хочу попробовать у вас, если понравится, буду пользоваться только вашими услугами. Эту речь Виктория Яковлевна давно приготовила и повторяла про себя весь этот год на разные лады: высокомерие и немного презрения – вариант первый, снисхождение дамы высшего света к готовому услужить плебсу – вариант второй, равнодушие избалованной жизнью женщины – вариант третий. А сказала задыхающимся шепотом – голос сел от волнения, – под конец еще и улыбнулась жалкой просительной улыбкой нищенки, которая боится, что ее прогонят. Кажется, мастер даже не поняла, о чем она говорит, махнула рукой в сторону парикмахерского зала и подала прејскурант. А кофе так никто и не предложил. Зачем тогда она купила сигареты? А главное – эту чертову зажигалку: зажигалка даже запланирована не была и пробила страшную брешь в ее накоплениях.

Все оказалось не так! Никакого королевского выхода не получилось! И исправить положение не представлялось возможности. И все-таки Виктория Яковлевна предприняла новую попытку.

– У вас здесь можно курить? – спросила она; хотела высокомерно, а получилось грубо – голос отказывался ей подчиняться, сделался ни с того ни с сего пропитым и некультурным, как у базарной торговки.

– Что вы, женщина, у нас не курят!

Вот кому высокомерие репетировать не надо, и королевского апломба не занимать, и любовь к своей особе не приходится вызывать искусственными средствами.

– Жаль! – Виктория Яковлевна хихикнула и почувствовала, как безудержно заливается краской. Ей бы остановиться: первый раунд проигран, ничего не поделаешь, но она снова ринулась в бой: – Дымлю как паровоз, знаете, без сигареты десяти минут прожить не могу. – Для убедительности вытащила из сумки пачку «Вог», поиграла зажигалкой.

– Идите в зал, женщина, – презрительно махнула рукой мастер, – курить у нас категорически запрещается.

От ворот поворот. Хоть пляши перед ней, ничего не получится. Лучше сразу уйти и никогда в жизни больше не появляться в таких местах. Но из какого-то непонятого ей самой упрямства Виктория Яковлевна не ушла, а направилась в парикмахерский зал, заказала укладку и стрижку. И, уже сидя в кресле, решила, что от пилинга, обертываний и прочих услуг, указанных в прејскуранте, откажется – нерационально, слишком высокие цены, а еще неизвестно, что означают все эти процедуры и нужны ли они ей. И, раздосадовавшись на себя, испугалась, что все ее мысли и чувства легко прочтываются этой парикмахерской девчонкой, самодовольной и гордой, как все они.

Самодовольной и гордой должна была стать она, Виктория Яковлевна, на один только этот день. Но у нее ничего не вышло.

К этому дню она готовилась долго и основательно. Мечтала, воображала, копила деньги. Копить было трудно и стыдно – приходилось часть доходов утаивать от семьи: нечестно, подло,

да и много ли утаишь, когда у нее только зарплата и очень редко – премия? Виктория Яковлевна подрабатывала в рабочее время (выполняла контрольные для заочников), потому что вечера и выходные были посвящены исключительно семье, она ужасно боялась, что за этим незаконным делом ее застукает начальство. И вот наконец необходимые семьсот долларов были накоплены, но тут оказалось, что цены успели за это время вырасти, и программу разгульного праздника любви к себе пришлось сократить, ограничив посещением салона красоты и покупкой платья. На туфли, духи и сумочку денег не хватало. Можно, конечно, было еще подождать и подкоптить, но так ведь вся жизнь пройдет в ожидании. Праздник она назначила на эту среду, взяла отгул и предалась удовольствиям.

Прежде всего необходимо было купить сигареты. Раскованная, благополучная женщина, хозяйка жизни, непременно курит. Сигареты «Вог» она курит (изысканная белая пачка с голубой крышечкой): нога закинута на ногу, локоть уперся в колено, сигарета прорастает сквозь пальцы – как она естественна, как уверена в себе, как красива! Ей поклоняются мужчины, завидуют женщины. Вот уже год Виктория Яковлевна ей ужасно завидует. Смотрит на плакат, завидует и копит деньги, чтобы хоть на один день стать такой.

Собственно, с этого плаката и началась ее душевная смута. До этого жила себе и жила, вполне спокойно, даже счастливо. У нее хорошая семья: двое детей (старший сын в этом году окончил школу, младший перешел в третий класс), положительный, непьющий муж, двухкомнатная квартира, приличная мебель, не было случая, чтобы не хватило денег на еду, на лекарства или на зимнюю обувь – чего еще желать? Но появился плакат – кто, когда и зачем его повесил в их кабинете? Виктория Яковлевна поняла: она достойна совсем другой жизни. Такой, какая у этой красотки, рекламирующей сигареты «Вог»: нога непринужденно закинута на ногу, локоть уперся в колено, черное облегающее платье, туфли... На туфли денег не хватит, ну и ладно, можно без туфель, больше копить и оттягивать она просто не в состоянии.

Сигареты Виктория Яковлевна купила в самом дорогом в их районе супермаркете. И тут встал вопрос: что сделать сначала – пойти в салон красоты или купить платье? С одной стороны, в салон красоты лучше явиться в новом роскошном платье, с другой стороны, с новой роскошной прической лучше явиться в бутик.

На платье могут посадить пятно какой-нибудь едкой жидкостью, поэтому сначала – в салон.

Виктория Яковлевна никогда не была ни в одном салоне красоты. Представлялся он ей чем-то вроде светской тусовки и немного пугал. Необходимо было сначала психологически подготовиться и провести генеральную репетицию. Она завернула в соседний с супермаркетом дворик, мелкими, семенящими шажками, будто идет на очень высоких каблуках, проследовала к скамейке, плюхнулась с некоторым подскоком бедер, словно в глубокое кресло, на деревянное сиденье, закинула ногу на ногу, вытянула из пачки сигарету, уперлась локтем в колено, хотела закурить... И тут обнаружила, что закурить-то не может, потому как сигарету нужно сначала зажечь.

Она никогда не курила. Даже в студенческие времена, даже в колхозе, куда их посылали каждую осень и где курили и пили все. И муж ее тоже был некурящий. Вполне объяснимая оплошность, но ей стало так досадно на себя, что Виктория Яковлевна чуть не расплакалась. Вся затея ей стала казаться нелепостью, предательством по отношению к семье, почти распутством. Но она взяла себя в руки, сделала вид, что это вполне мило и придает ей шарма, вернулась в супермаркет, купила зажигалку «Зиппо», шикарную, с позолотой (четыреста рублей), и решительно, без репетиции отправилась в салон красоты.

Она уже очень давно и в обычные парикмахерские не ходила. Раньше, когда в моде была «химия», посещала раз в год их дешевенькую, почти деревенскую «Нимфу», и таким образом вопрос с прической решался на долгий срок. А потом, когда стали носить прямые волосы,

вообще перестала что-либо делать, и на голове у нее было нечто неопределенно обросшее, забранное в хвост. Ну можно ли так себя запускать, ведь она еще совсем не старая женщина!

Ничего, в салоне красоты ошибку исправят – денег не жалко, сколько бы это ни стоило. Там, безусловно, работают высококлассные специалисты, посоветуют, какая стрижка ей пойдет, разберутся с неухоженной кожей, подберут макияж. Главное – не подавать виду, что в таком салоне она впервые, – разговаривать со снисходительным превосходством и побольше раскованности: меня перестал устраивать мой мастер, хочу попробовать у вас... А когда принесут кофе (в таких салонах всегда угощают клиентов кофе), достать сигарету, непринужденно закинуть ногу на ногу, упереть локоть в коленку...

Идиотка! Совсем забыла посмотреть, как включается зажигалка, вот бы опростоволосилась, если бы не смогла поджечь сигарету!

Виктория Яковлевна вытащила «зиппо» – дорогая, но все-таки какая прекрасная вещь! – разобралась в нехитром механизме и взошла на крыльцо салона красоты «Николь».

Сразу же, с первых шагов, все пошло совсем не так, как она ожидала. Презрительная вежливость вместо подобострастной услужливости со стороны персонала, растерянная приниженность вместо высокомерного снисхождения с ее стороны. И кофе никто не предложил, продемонстрировать раскованное курение дорогущих сигарет не разрешили, а цены оказались просто какими-то нереальными. Но стрижка понравилась. Очень понравилась! Еще никогда Виктория Яковлевна не ощущала себя такой красивой. Она смотрела в зеркало, оторваться не могла – и улыбалась, улыбалась глупой, блаженной улыбкой. Стало совершенно наплевать, как к этому относится парикмахерская девчонка, эта соплюшка – что она вообще понимает в жизни! Наверное, полагается дать ей на чай. Сколько, интересно, обычно дают? Доллар, не меньше. Да дают ли в валюте? Очень не хочется в очередной раз попасть впросак.

Виктория Яковлевна с сожалением оторвалась от зеркала, достала из сумки кошелек. Купюры в один доллар не оказалось, а пять давать было жалко. Она беспомощно посмотрела на девушку.

– Платить нужно в кассе, я сейчас выпишу вам квитанцию.

– В кассе? – Виктория Яковлевна заискивающе улыбнулась. – А...

– Касса в вестибюле.

– Да, спасибо. – Она прихватила квитанцию двумя пальцами за уголок, словно ее побаивалась. – И это все? – посмотрела на парикмахера со значением, повела бровью, но та, видимо, намека не поняла.

– Что же еще?

Значит, на чай они здесь не берут, хорошо, что доллара в кошельке не оказалось, а то бы опять опозорилась. Бог упас. Настроение сразу улучшилось. Да нет, что там улучшилось, стало просто каким-то нереально небесным. И непонятно, откуда взялась самоуверенность, и раскованная фраза, которую она так долго безуспешно пыталась произнести, сказалась безо всяких усилий:

– Меня перестал устраивать мой мастер, вот решила попробовать у вас. – Виктория Яковлевна не удержалась, снова посмотрела в зеркало, тряхнула обновленной, усовершенствованной головой и добавила уже не по сценарию: – Результат превзошел все мои ожидания. Теперь, пожалуй, всегда буду пользоваться услугами вашего салона.

– Спасибо. Мы рады. Приходите еще, – заученно проговорила парикмахер, но казенности фразы Виктория Яковлевна не заметила, улыбнулась горделиво и величественно простововала к выходу.

Величественности, правда, хватило только до кассы, а там... Эта самовлюбленная спесивая мымра сумела-таки снова превратить ее в нищую просительницу. Стыдно, ужасно и больно, лицо залилось краской – отвратительное свойство организма: чуть что, она сразу краснеет и поделаться с этим ничего нельзя, – ладони вспотели, никак не могли выхватить из

кошелька нужную бумажку, и кошелек был такой старый, потрепанный, и сумке уже три года, таких, наверное, сейчас никто не носит. И босоножки совсем неприличные. Да что там босоножки – пальцы, торчащие из ремешков, до ужаса неприличны. А на руках вздулись вены. Ну как такую не презирать! Старая, неухоженная тетка, и зачем она сюда притащилась? Права кассирша, права парикмахерша, правы они все.

Надо было сначала купить платье. И сделать маникюр в домашних условиях. И вообще хоть немного привести себя в порядок, прежде чем являться в салон красоты. Так долго мечтала, так долго готовилась – и никакой радости. То же будет и в бутике. На нее и там будут смотреть как на нищую старую дуру, у которой случайно завелись деньги – ничтожная сумма, если мерить их меркой, которую она решила сдуру просадить. «Да на вас это платье как на корове седло», – скажет ей продавщица, родная сестра парикмахерской девчонки. А если и не скажет, подумает обязательно. Принесет что-нибудь попроще и подешевле – старушечий фасон, залежавшийся товар, и презрительно бросит: «Если возьмете, мы сделаем скидку». Позовет заведующую и хозяйку или хозяина магазина, и все они уставятся на нее и наперебой станут предлагать уродливые вещи, соблазняя скидкой.

Ну нет! Ни в какой бутик она не пойдет! Нового испытания ей просто не выдержать!

Виктория Яковлевна выскочила из салона, с оглушительным треском за ней захлопнулась дверь – она не успела ее придержать. Расстроилась окончательно, окончательно стушеввалась, мучительно застыдилась себя.

Но как же тогда? Отказаться от платья? Копила, мечтала, а тут вдруг взять и отказаться? Черное облегающее платье, точно такое же, как у красотки на плакате, к новой прическе оно очень пойдет. У нее отличная грудь, и плечи в самый раз, и талия еще не совсем расплылась – прекрасно будет на ней сидеть это платье. Еще неизвестно, какая фигура станет у продавщицы, когда она доживет до сорока. Может, вообще ее разнесет от первых же родов. Молодость проходит быстро, красота увядает, фигура портится – тут уж ничего не поделаешь, так чем гордиться?

Виктория Яковлевна шла по улице быстрым, размашистым шагом и ненавидела, изо всех сил ненавидела воображаемую продавщицу из воображаемого бутика, испоганившую ей счастливый день. Из-за какой-то молодой мерзавки она теперь не сможет купить себе платье! И было больно, невыносимо больно в голове и в груди, и улица расплывалась, и не только глаза, уже и нос дал течь, и лицо полыхало от жара, и, конечно, все прохожие видели ее смятение и отчаяние. А сигареты негодились и уже не пригодятся, и на зажигалку зря выбросила такую сумасшедшую сумму: за четыреста рублей можно было купить джинсовую курточку Димке, в том магазине были... она смотрела и сомневалась, покупать не покупать, вроде и старая еще ничего, сезон проносить можно...

В том магазине! Ну конечно! Она купит себе платье, обязательно купит. В том магазине купит. Есть такой замечательный магазин «под фирму», в нем все вещи как настоящие, фирменные, только намного дешевле. И продавщица там очень приятная женщина примерно ее возраста. И денег хватит не только на платье, может, еще на туфли останется. Почему ей сразу не пришла в голову такая разумная мысль? Все эти бутики, конечно, не для нее, как и салон красоты – ну не умеет она себя вести в таких местах! А в том магазине не надо ни о чем таком думать, в том магазине к тебе относятся как к человеку, даже если твоя сумка давно вышла из моды и кошелек сто лет в обед, а на руках вздулись безобразные вены. Там легко, там хорошо, там делать покупки одно удовольствие, и, если тебе предлагают скидку, совсем не для того, чтобы унижить.

Совершенно успокоенная и почти счастливая, Виктория Яковлевна села в маршрутку. А двадцать минут спустя уже примеряла платье.

Точно такого, как у красотки с плаката, к сожалению, в магазине не оказалось, но были другие, в общем несколько не хуже. Это темно-зеленое, например, тоже прекрасно подчерки-

вает достоинства ее фигуры. Жаль, что зеленый цвет – ее нелюбимый. И коричневое с люрексом ничего. Немного не по размеру, но если ушить в бедрах и чуть-чуть расставить в груди... Нет, когда и где она будет заниматься подгонкой – платье в готовом виде нужно ей сегодня, прямо сейчас.

Продавец принесла новый ворох разнообразных платьев в примерочную.

– Вот посмотрите, отличный фасон, и размер ваш.

– Нет, – сразу же отвергла Виктория Яковлевна предложенное, – мне нужно однотонное, а это с цветами. Нет, нет, и покрой не такой.

– Тогда посмотрите вот это.

Это было то самое платье с плаката, только не черное, а серое. Виктория Яковлевна почти вырвала плечики из рук продавщицы и сразу, прямо при ней, начала переодеваться. Платье пришлось впору, сидело так, будто было специально на нее сшито. Прекрасное платье, удивительное. И стоит всего тысячу рублей.

Виктория Яковлевна расплатилась и, обрадовавшись, что у нее остается еще немало денег, отправилась в обувной отдел.

Туфли ей подобрали на удивление быстро – серые, в тон платью, лодочки на высоком каблуке. Кожа искусственная, но кто это поймет, выглядят туфли прекрасно. А цена – восхитительная: пятьсот пятьдесят рублей.

Совершенно преобразенная (старую одежду и обувь она положила в пакет), Виктория Яковлевна выплыла из магазина. Оставалась еще целая куча денег – целая куча возможностей: можно купить маленький флакончик духов или сходить в кафе, выпить чашечку кофе, заказать граммов пятьдесят коньяка или какое-нибудь особое пирожное.

Она выбрала кафе. Воображение нарисовало картину: красивая одинокая женщина за столиком с чашкой кофе в руке, в пепельнице дымится сигарета, на белоснежной скатерти золотым пятном выделяется роскошная зажигалка – картина эта показалась ей очень привлекательной. Но тут, расшалившись, воображение внесло коррективы: не чашка – бокал, не кофе – абсент. Любительницей абсента она завершит этот день, свой день, счастливый, в сущности, день, несмотря ни на что. Изведает неизведанное, насладится до последней капли чужой жизнью. В бар «Дубрава» – вот куда она поедет. На такси. Которое остановит небрежным взмахом руки.

... Наверное, она что-то напутала – машины проезжали мимо, никто не хотел останавливаться. Или во всем опять виновата ее вышедшая из моды сумка? Виктория Яковлевна уже с полчаса, не меньше, стояла на обочине дороги, вытянув руку, соорудив на лице капризную улыбку избалованной дамы, а взять такси так и не удавалось. Но она же видела в каком-то фильме – не вспомнить в каком, – что именно так ловила машину очень богатая, очень элегантная американка, сбежавшая со светской вечеринки. Почему же у нее не получается? Или это только в фильмах так, а в жизни все по-другому? Или это в Америке так, а у нас по-другому? Или все же сумка подгадила? А может, здесь где-то есть знак, запрещающий остановку?

Так или иначе, а с такси, видимо, ничего не получится. Придется ехать в маршрутке. Ехать в общественном транспорте пить абсент – ну не абсурд ли? Но делать нечего. Виктория Яковлевна поплелась к остановке.

* * *

Она устроилась на террасе. Потому что внутри было слишком душно и потому еще, что, кроме бармена и двух официанток, прикорнувших в вынужденной праздности у стойки, в баре никого не оказалось.

На абсент денег ей не хватило – это оказался баснословно дорогой напиток. Но в конце концов, не так и важно, что пить, главное – как. Бокал вина – тоже вполне подходит, если дер-

жать двумя пальцами за низкую ножку и медленно, по глотку отпивать. Сигарета дымится в пепельнице, золотая зажигалка лежит рядом. Людской поток течет по улице, огибает террасу. Глоток из бокала, затяжка. Улыбка блуждает, взгляд блуждает по лицам – большей частью хмурые, недовольные – разгар рабочего дня. Новый глоток. И никто не остановится, не подсядет, не заведет непринужденный разговор, все куда-то торопятся, мимо, мимо. Улыбку нужно слегка изменить – она должна быть направлена на себя, внутрь себя, навстречу потаенным желаниям, потаенным мечтам. Она читала, как пьют абсент. Вино тоже подходит, если думать, что пьешь абсент. Дым оставляет неприятный привкус во рту – и только, а она думала: ударит в голову. Запить поскорее вином. Об этом дне она целый год мечтала, хотела прочувствовать такую вот жизнь, но как-то не получалось до конца прочувствовать. До возвращения домой остается чуть больше двух часов – не удастся раскрепоститься. Может, ограниченность во времени сковывает? И сознание, что этот день она украла у своей семьи? У нее прекрасная семья, у них прекрасные отношения и атмосфера тоже прекрасная, но... Чего-то недостает. Они живут, как живут все их знакомые, как родители жили, как, наверное, живут девяносто процентов людей... В их жизнь закралась какая-то ошибка. В чем она состоит? Они никогда не бедствовали, не голодали, не страдали от холода, не испытывали отчаяния, что нет денег на лекарство. Даже имели возможность выезжать всей семьей в отпуск. И все-таки... Счастья не было. Были радости, но счастья не было.

Они не бедствовали, но только потому, что все, до последней копейки, рассчитывали, распределяли. И если совершали покупки, это были исключительно утилитарные вещи: диван – чтобы на нем сидеть, сапоги – чтобы ноги не мерзли, еда – чтобы не умереть с голоду и продолжать жить своей утилитарной жизнью. Жили – чтобы жить, и только. И праздники их тоже были исключительно утилитарны. И подарки друг другу – утилитарные подарки. Даже когда дарили цветы.

Безрассудства и самозабвения – вот чего никогда не было в их жизни. Любовь – и та была рассудочной. Даже к детям. Это муж заразил ее такой рассудочностью и сделал непригодной к настоящей жизни. Мальчиков сразу, как только подходил возраст, отдавали в детский сад, потом в школу – и с плеч долой. Оба они каждое утро уходили на работу, встречались только по вечерам и в выходные. Ну и когда тут любить? Как тут любить? Для любви нужны условия, она не может существовать по заданной программе. Ей нужно много свободного времени, ей требуется понимание хрупкости жизни, человеческой жизни – жизни любимого. А утилитарное отношение убивает ее.

– Добрый день! У вас не занято?

Ну вот, наконец-то! Мужской, приятный, глубокий голос из потаенной мечты.

– Свободно. – Виктория Яковлевна взяла из пепельницы сигарету – она почти вся догорела и потухла – и только потом подняла голову, посмотрела на мужчину. Вполне подходящая кандидатура для того, чтобы затеять флирт. Жаль, времени совсем не остается: флирт – еще одна область неизведанного.

– Вам прикурить? – Он с улыбкой смотрел на ее неловкие манипуляции с потухшим окурком.

– Пожалуйста. – Виктория Яковлевна улыбнулась призывно (во всяком случае, так она представляла себе призывную улыбку), вытянула из пачки новую сигарету, заложила ногу на ногу, чуть наклонилась вперед. Он поднес ей ее же собственную зажигалку – но, может, именно так и надо? Она осторожно прикурила, стараясь не закашляться.

– Заказать вам что-нибудь? Ваш бокал пуст.

– Да... я и сама... – Виктория Яковлевна растерялась и от растерянности чуть было не ляпнула, что на один-то бокал денег у нее еще хватит.

– Я за вами уже давно наблюдаю. Вон из того угла. – Мужчина засмеялся.

А она и не почувствовала, что за ней наблюдают, не знала, что уже не одна. Как она выглядела, когда размышляла о своей неудавшейся жизни, не глупым ли было ее лицо, не делала ли каких-нибудь жестов? Нет, вряд ли, она хоть и размышляла, но ни на минуту не отвлеклась от главного, помнила, что нужно пить из бокала томными, неторопливыми глотками с промежутками в минуту-две, наблюдала текущую мимо толпу и ждала: вот сейчас кто-нибудь изменит траекторию движения, завернет в бар, подсядет к ней, заговорит. Но как же он прошел, почему его она не заметила? Значит, все-таки отвлекалась, погружалась в мысли полностью – и лицо ее на какой-то момент могло стать глупым. Но с другой стороны, если бы это было так, зачем бы он подошел к ней?

– Вы пили вино так, словно это абсент. А не хотите в самом деле попробовать абсента?

– Нет! То есть... нет. – Баснословно дорогой напиток, просто так его никто не предложит, разве что с далекоидущими целями. А ни на какие цели времени у нее не остается. Да если бы и оставалось! Предательство в ее планы не входит: она никогда не изменит семье, никогда и ни при каких обстоятельствах!

– Ну, не хотите – не надо. Тогда, может, вина?

– Вина можно. – Виктория Яковлевна улыбнулась – растерянно, а вовсе не снисходительно-раскрепощенно, как она думала.

Он подозвал официантку, сделал заказ и снова повернулся к ней. Это он призывно улыбался, и снисходительно и раскрепощенно. Боже мой, что она делает! Ведь это и есть измена. Во всяком случае, ее прелюдия.

– Как вас зовут?

– Виктория Яковлевна.

Ну не идиотка ли? Кто же называет отчество, когда знакомится в баре с женщиной? Как глупо, как глупо! Что она за несуразная особа?

– Можно просто Виктория, – пробормотала она еле внятно и мучительно покраснела.

Куда ее несет? Зачем? Ей пора уходить, и потом, она не это, совсем не это имела в виду – просто разговор, может быть, разговор по душам, при котором мужского внимания разве что самая капелька. С ума сойти можно: просто Виктория.

– Виктория? Прекрасно! Замечательное имя. – Он, казалось, совсем не замечал ее смущения. – А я – Виктор.

Не бывает таких совпадений, никакой он не Виктор! Да он над ней смеется. Правильно делает: она смешная, нелепая дура, как над такой не смеяться?

– Простите, мне нужно идти. – Виктория Яковлевна нерешительно поднялась. – Меня ждут, я и так задержалась, – умоляюще проговорила она.

– А как же наш заказ?

Боже мой, заказ! Она совсем забыла! Но что же теперь делать? Дернул ее черт согласиться на этот бокал вина. Повела себя как самая настоящая женщина легкого поведения. Аристократку хотела сыграть, пресыщенную жизнью даму, а что получилось? Но как же теперь быть с заказом? Ему ведь все равно придется заплатить за вино – ввела человека в напрасные расходы. Предложить деньги? Но как, как это делается?

– Я сама заплачу.

– Ну что вы!

Он посмотрел на нее как на последнее ничтожество, как на жирного черного таракана на белоснежной кухне. Идиотка и дура, зачем она ввязалась... зачем сюда пришла... зачем устроила себе этот нелепый день? Бежать отсюда, быстрее, быстрее. Минута страшного стыда, еще более мучительного, чем весь ее безрассудный день, – и конец, она никогда, никогда больше... И его никогда не увидит. Бежать.

– Пойдите! Куда вы? Я вас чем-то обидел? Странная женщина!

Странная, конечно странная! Странная оттого, что ей не место в таких вот заведениях. Все эти салоны и бары не для нее. Таким, как она, нельзя выбираться из семьи ни на минуту. Это только плакатные красотки могут, и у парикмахерши все хорошо получилось бы, и у продащицы из бутика, они другие, а она...

Ну, слава богу, бар остался позади. А вот и маршрутка подходит. Кончился ужас, невыносимый стыд – можно расслабиться.

Виктория Яковлевна села у окна и вздохнула с облегчением. И тут вдруг почувствовала, что очень соскучилась по своей семье, как будто уезжала в долгую, далекую командировку. Даже еще сильнее. Раньше ей приходилось надолго уезжать из дома, а такой тоски она не испытывала.

Нужно будет зайти в кулинарию, купить чего-нибудь вкусного к чаю, денег немного осталось от ее загального ужаса – хватит на торт. Скажет, что получила премию, вот и решила побаловать семью.

Виктория Яковлевна вышла из маршрутки на остановку раньше. В кулинарном цехе (он славился необыкновенно вкусной и самой свежей выпечкой в их районе) выбрала небольшой, но очень красивый торт в форме ежика и, совершенно умиротворенная, отправилась домой. Через час с работы должны были прийти муж и старший сын.

* * *

– Мама? – Димка хмуро, исподлобья смотрел на нее, держался за ручку двери, загоразживал проход, словно не хотел пускать ее в квартиру. Неужели он о чем-то догадался? Дети чувствуют, когда их предают, а она ведь предала, предала, всех предала, и Димку тоже!

– Я торт принесла. – Виктория Яковлевна заискивающе улыбнулась сыну. – Что с тобой? Ты чем-то расстроен?

– Я тебя не узнал. – Димка вздохнул с облегчением и отступил наконец от двери.

– Не узнал? – Виктория Яковлевна прошла в прихожую, стараясь не встречаться с ним глазами – ей было стыдно и отчего-то страшновато, – поставила коробку с тортом на стул, повесила сумку.

– Ты какая-то чужая.

– Ничего не чужая! – фальшиво возмутилась она и рассмеялась – тоже фальшиво и совсем не убедительно. Димка опять нахмурился. – Просто постриглась. Тебе нравится моя новая стрижка?

– Нет.

– Почему-у? – протянула она наигранно капризно и содрогнулась от собственной лжи, но продолжала кривляться: – По-моему, ничего, мне идет, ты так не считаешь? – Она повертелась перед зеркалом, сделала какое-то нелепое па, поскользнулась на гладком линолеуме и чуть не упала.

– Осторожно! – Димка с тревогой смотрел на мать. – Мам, ты чего?

– Тебе не угоди-ишь, – от стыда и неловкости опять закапризничала Виктория Яковлевна. – А я премию получила, вот решила постричься и платье купить. Миленькое, правда?

– Не знаю, я в этом не разбираюсь, – совсем по-взрослому ответил мальчик, повернулся и пошел в комнату.

Почувствовал фальшь, почувствовал ложь, почувствовал, что она предала, – дети всегда чувствуют. Теперь ей никогда не искупить свою вину перед ними.

Зазвонил телефон. Она бросилась к нему, как к спасению, словно надеялась, что телефонный разговор навсегда избавит ее от мучительных мыслей, сотрет сегодняшний день, сделает его недействительным.

– Да! – в восторге закричала она в трубку. – Я вас слушаю!

* * *

Ужас состоял из трех стадий: отчаянный, всепоглощающий ужас, ужас с маленькой надеждой на выход и снова ужас – выход мог бы быть, еще сегодня утром мог, но она сама, своими руками его перекрыла, завалила камнями. Пятьсот долларов! Они требовали всего пятьсот долларов за прекращение кошмара, и эти деньги несколько часов назад лежали у нее в кошельке. А теперь, что делать теперь? Денег нет, деньги истрачены, она не может остановить кошмар, да она не только предательница, она убийца!

Убийца, убийца! Виктория Яковлевна в ярости швырнула трубку, закусила губу, чтобы не завывать в голос, и все же завывала. Выбежал из комнаты перепуганный Димка.

– Мама! – Он затряс ее за плечо, требуя ответа. – Мама, что ты, что случилось, мамочка?

Ужас не остановить. Пятьсот долларов. Она все истратила. И нет теперь выхода. Они сказали, через двадцать минут, значит, идти нужно прямо сейчас, не откладывая. Вызвать такси, доехать до кинотеатра «Колизей», а дальше пешком. Но денег нет...

– Мама! Перестань! Мама!

Нет денег, она их истратила, все, до последней копейки. Истратила на себя, и теперь нечем заплатить за прекращение ужаса.

Виктория Яковлевна сидела в прихожей на низком пуфике, раскачивалась из стороны в сторону и никак не могла заставить себя хоть немного успокоиться и начать соображать. Димка стоял рядом, ухватившись за ее плечо, плакал и тоже не мог взять себя в руки.

– Мама! Перестань! Мама! – всхлипывая и задыхаясь, кричал он, но уже и сам не понимал, что кричит. – Мамочка! Мама!

– Вот что. – Виктория Яковлевна оторвала от себя сына и решительно встала. – Мне нужно съездить... Ты оставайся дома и никому не открывай.

Если их упросить подождать с деньгами, упросить, умолить. Завтра она обязательно достанет эту сумму. Боже мой, зачем она истратила деньги?

– Я с тобой!

– Нет, ты останешься дома, – жестко произнесла она. – Только никому не открывай, слышишь? Ни в коем случае.

– Но как...

– Никому! У папы есть ключ. И... у Дениса тоже.

Виктория Яковлевна вызвала по телефону такси, крепко-крепко обняла сына, словно прощалась с ним навсегда, вышла из квартиры, захлопнула дверь, подергала ручку.

Машина уже стояла у подъезда. Повезло, не пришлось ждать, а ведь дорога каждая минута. Водитель услужливо распахнул переднюю дверцу, что-то сказал – она не поняла что, – чему-то засмеялся.

Она всегда знала, что когда-нибудь это случится, хоть и не признавалась себе прямо. Только почему, почему сейчас, если бы утром... Вдруг они не захотят подождать с деньгами до завтра? Они наверняка не захотят! И тогда...

Дома, деревья, прохожие мелькали за окном, водитель без умолку говорил и смеялся, смеялся – вероятно, у него сегодня был какой-то особенно счастливый день.

Рано или поздно это должно было случиться. Рано или поздно. Она просто отмахивалась, не хотела об этом думать. Если они не согласятся подождать, если не согласятся! Такого ужаса ей не пережить. И никому из их семьи не пережить!

– Приехали! – Водитель оглушительно захохотал.

Машина остановилась возле кинотеатра. Виктория Яковлевна расплатилась, вышла и растерянно затопталась на месте, соображая, куда идти.

Истратила деньги. Платье, туфли, салон красоты. Чуть не затеяла флирт с незнакомым мужчиной. И теперь от кошмара нечем откупиться. Всего-то пятьсот долларов! Кажется, это туда. Да, вот по этой дорожке. Да, все правильно, впереди гаражи. Только нет никакого смысла являться без денег. Не согласятся они, не согла...

Страшный удар сбил ее с ног, правый висок взорвался дикой болью. Она не успела испугаться, не успела ни о чем подумать – сознанию зацепиться было не за что, оно тут же потухло, не родив предсмертного видения.

Глава 3

Кира Самохина. Профессионал

Три дня я прожила в ожидании, но так ничего и не произошло. Неужели я все же ошиблась: серии не будет, сенсации не будет, а труп в скверике – действительно жертва ограбления? Кстати, личность его так до сих пор и не установлена.

Не о чем писать. И жара не спадает. Пора принять предложение Главного.

Еще подожду.

Глупое упрямство. Но все-таки подожду.

Картины не рождаются, я чувствую себя импотентом, я чувствую себя исписавшимся поэтом, я чувствую себя старым больным волком, у которого сточились зубы – стая поглядывает с нескрываемым злорадством в мою сторону, скоро меня загрызут.

Я чувствую себя обманутой собственной интуицией. Такого еще не бывало – я никогда не ошибалась.

Я чувствую себя последней на этом свете сволочью: я жду, с нетерпением жду, я жажду нового убийства. Невыносимое ощущение, мне не хочется жить, когда я со всей ясностью осознаю, чего именно хочу.

Мне страшно хочется сенсации. Кто, почему у меня ее отнимает? Я – маньяк от журнастики, моя морда в крови, но мне просто необходима новая кровь. Много крови. Мне нужна эта серия. До такой степени нужна, что, кажется, подтолкнула бы под локоть убийцу, если бы могла.

Жаль, что наша газета – солидное, приличное издание, мы пишем только правду и ничего, кроме правды. Если бы не это удручающее обстоятельство, сенсация получилась бы на раз, два, три. Как просто придумывать убийства! Они рождаются у меня в мозгу с такой же скоростью и легкостью, как стихи у графомана. Если бы я могла выдавать свои вымыслы за правду!

Второй жертвой стала бы женщина лет сорока – контраст по отношению к молодому парню на лавочке в скверике. Домохозяйка, двое детей – мальчик и девочка, а впрочем, не важно, можно и две девочки или два мальчика. Приличный, равнодушный муж, приличные, равнодушные подруги. Или не домохозяйка, но работа у нее скучная, не увлекающая, рутинная, в общем, работа. И жизнь ее – сплошная рутина, никаких радостей, никаких неожиданных поворотов. Она живет так уже двадцать лет и по-своему счастлива. Но однажды вдруг понимает, что такая жизнь не для нее, и решается на безрассудный поступок. Утром, как обычно, выходит из дому, но на работу не едет, отправляется на прогулку по городу. Этот день она думает посвятить себе: купить какую-нибудь безделушку (или не безделушку, но вещь, безусловно, бесполезную в хозяйстве), выпить в баре чашечку кофе и – почему бы и нет? – познакомиться с мужчиной. Да нет, цель ее незаконной прогулки и сводится именно к тому, чтобы познакомиться с мужчиной. Завести любовника – вот что необходимо ей сделать, завести из протеста против рутины, завести из протеста против равнодушия мужа, подруг, всего мира. Любовник. Какое дерзкое слово. Любовник. Как это заманчиво думать: у меня есть любовник. Да только возможно ли? Если сегодня ничего не получится, она отправится на поиски завтра, она вообще не будет больше ходить на работу, а если понадобится, уйдет из дому, пойдет на любые жертвы.

На жертвы идти не пришлось – случай представился быстро.

– Вы позволите скрасить одиночество вашего вечера? – Голос возник так неожиданно, что она вздрогнула. Подняла голову, посмотрела затуманенным взглядом: мужчина, элегантный, красивый, ее возраста или чуть помоложе. Конечно, она позволила, как могла она не позволить, если ждала его, именно такого? Он заказал ей кофе и еще коньяку к кофе, и разговор

завязался: как вас зовут? Какое прекрасное имя. Погода сегодня превосходная, хоть все еще немного жарко. Все шло хорошо, но потом...

Она испугалась своей смелости, своей дерзости, своего протеста, своего безрассудства. Потому что безрассудной не была. И попыталась сбежать, но было поздно: он уже утвердил ее на роль второй жертвы. Пробы прошли успешно, приказ подписан. Еще час назад он и сам не знал, кто станет следующим. Но как только увидел ее, понял: она. Подошла бы только. Она подошла идеально, эта жаждущая романтического приключения трусиха. Нет, робкая лань, милая, наивная робкая лань. Ну разве мог он ее отпустить, позволить сбежать? Не мог, не позволил. Но было жаль, что по неопытности он выбрал такой примитивный способ убийства: удар в висок – мгновенная бескровная смерть. Тот, первый, ничего другого и не заслуживал, а этой очаровательной Мумми-маме требовалось нечто эстетски утонченное. Но ничего не поделаешь: менять почерк нельзя.

Он заманил ее в безлюдное место – свидетели ему ни к чему. Она не успела ничего сообщить, не успела удивиться. Ноги, белые, голые, заерзали по земле и вскоре затихли.

Это не было картиной, из тех, которые я вижу, – правдивой картиной чужой беды, эту смерть я просто сочинила, значит, в действительности ничего такого не происходило: материализовать свои фантазии я не способна. Этой женщины нет, и писать мне совершенно не о чем. А жаль, я успела ее полюбить, нежно, самозабвенно и страстно, как любит маньяк свою жертву. Я успела облечь ее в плоть, плоть раскрасить, романтической ее душе придать еще больше романтизма, красивым мягким чертам лица еще больше красоты и мягкости. Я подарила ей кошку, большую, пушистую, белую кошку Маркизу, страдающую диабетом. Близкую подругу ее наградила близорукостью, а мужу связала свитер из домашней шерсти. В квартире я расставила мебель, застеклила лоджию, входную дверь обила дерматином, чтобы не дуло в щели и не мешал шум с лестничной площадки – дверцы лифта ужасно гремят и на их этаже любят собираться подростки. Я успела ее узнать до последней черты и полюбить, и убить, и ужаснуться содеянному. И вдруг поняла, что эта женщина – я в сорок лет, если бы мне не встретился Алеша и если бы Столяров на мне женился. Это у меня была бы кошка Маркиза и двое детей, это я однажды решила бы взбунтоваться. Но при тех обстоятельствах до конца взбунтоваться у меня не получилось бы, и гибель от руки маньяка была бы естественной для меня смертью. Когда я это поняла, мне стало легче: я не ее убила, я себя убила – я не убийца.

И все-таки писать-то не о чем. Сенсации не получится. Один безымянный труп на скамейке – рутина, слабенький проблеск в затянутом тучами небе мертвого сезона, а не сенсация. Информацию об этом происшествии я дала еще в прошлый номер, видимо, на этом придется остановиться.

Писать не о чем, но работать-то надо. По тому материалу, который есть. Я включила компьютер (в последнее время он у меня все больше пребывал в спящем состоянии) и уткнулась в незаконченную строчку.

Быстро, совершенно не интересуясь процессом, обработала сводки, распечатала, закрыла файл и только после этого посмотрела на часы: сколько там осталось до конца рабочего дня? Оказалось, что не осталось нисколько. Минут через десять приедет Столяров – он теперь каждый день возит меня на работу и домой, обрадовался, что может опекать, и добросовестно исполняет свои обязанности. Плюс от этого только один: я терпеть не могу водить машину, – но зато целая куча минусов. Он не переставая меня воспитывает и поучает, а главное – совершенно не выносит Годунова. Льва Борисовича я временно приютила у себя, из-за этого Руслан каждое утро устраивает истерики – хорошо еще, не при Годунове. Мы садимся в машину – и начинается: сколько еще намеревается жить у тебя этот проходимец?

Сколько понадобится, столько и будет жить! Лев Борисович вернулся в тот же вечер, жалкий, приниженный и совершенно пьяный. Просил прощения за то, что ушел от меня так внезапно, так тайно, ничего не сказав, не поблагодарив за приют. Признался, что позаимство-

вал у меня из кошелька немного денег (мог бы и не признаваться, я и не заметила!), снова плакал и клялся, что никогда, никогда... Душераздирающая сцена повторила в точности первую, а потом я предложила ему пожить у меня, пока обстоятельства не изменятся к лучшему – то есть на неопределенный срок. Руслан сердится, не понимает, что мне Годунов нужен не меньше, чем я ему: его жизнь в моей квартире оправдывает мое существование, искупает мои черные, несправедливые мысли. И потом, я к нему просто привязана, люблю этого несчастного пьянчугу, как любила бы своего безнадежно больного дедушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.